

18+

СОФЬЯ КАЙС

ЛЮДОПАРК

Софья Кайс

Людопарк. Зоопарк из людей

<https://litres.ru/74269122>

ISBN 9785007063562

Аннотация

Все мы хотя бы раз были в зоопарке и наверняка задумывались над тем, какого животным жить вне воли. Людопарк — место, полное ужаса и мерзости, где за решеткой находятся не звери, а люди. Посетителям интересно только одно — посмотреть на голые тела и удивительную способность ходить на двух ногах. Удастся ли главному герою выбраться оттуда живым? Или же звери его съедят, как и остальных непригодных людей?

Содержание

Новости людопарка	5
ЧАСТЬ 1	13
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	51
Глава 4	69
Глава 5	92
Глава 6	124
Глава 7	145
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Людопарк Зоопарк из людей

Софья Кайс

© Софья Кайс, 2026

ISBN 978-5-0070-6356-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новости людопарка

Сообщение от 05.06.1957

Людопарк вновь возобновил свои действия по похищению людей. По сведениям полиции, животные наблюдались в северных районах. Убедительно просим вас в эти несколько дней воздержаться от прогулок в одиночку и не выходить на улицу после шести.

Директор службы по борьбе с пропажами людей: «Сообщили, что одного медведя засекли возле супермаркета ближе к окраине города. Скорее всего, он является одним из сотрудников людопарка».

Новость от 23.08.1959

Нашествие животных в городе! Спустя два года затишья в полицию стали поступать множество звонков. Всего двум людям удалось скрыться, остальные, кто находился в то время вне дома, пропали бесследно.

«Их было много. Медведей этих. Господи, как же мне повезло, что я быстро бегаю! Не представляю, что было бы, догони они тогда меня... и главное, на улицах абсолютно без-

людно, некому было даже помочь мне!» — писал чудом спасшийся очевидец.

«Я была дома, когда это началось, но мой сын к самому разгару где-то гулял с друзьями. Я начала беспокоиться уже к вечеру, ведь он должен был вернуться еще к четырем. Выглянув в окно, на обычно оживленной улице я не увидела никого, машин было также необычайно мало. Я сразу же позвонила в полицию, но было уже поздно», — дала показания свидетельница.

Отрывок из новостей 01.09.1959

Всех школьников поздравляем с началом учебного года! В связи с нападениями из мира животных президент издал указ об отмене второй смены во всех школах страны без исключений. Чтобы обезопасить себя, также советуем лично провожать и забирать детей. Семь дней животные не показывались, но это не означает, что не нужно ожидать следующих похищений. При любом подозрении звоните по номеру 102.

Сообщение от 04.03.1960

Усилена охрана по защите территории от появления животных! Отныне на границе ведут наблюдение специально обученные люди. Возле океана, откуда открывается прямой

путь до людопарка, охрана удваивается. Однако менее защищенным остается воздушное пространство. Правительство уже этим занимается.

За последние полгода также не поступало никаких жалоб от граждан. Звонков в полицию минимум. Вероятно, связано это с усилением мер защиты и предосторожности.

Новости 31.08.1962

После двухгодичного затишья животные вновь принялись за старое. Пострадал приморский город. На сегодняшний день насчитывается больше тридцати пропаж. По данным отдела полиции, похищения произошли в разное время. Началось все двадцать четвертого августа, закончилось двадцать девятого. Свидетелей обнаружено не было, животные умело скрылись.

Слова потерпевшего: «Моя жена ушла на работу. Я проводил ее взглядом в окно, как полагается. Но домой она не вернулась. Поначалу я думал, что задержали. Конечно, я ее искал, не надо о таком даже спрашивать! Так и не нашел, в полицию позвонил ближе к ночи».

Важное сообщение 22.04.1966

В связи с возобновившимися действиями людопарка, полиция страны вводит дополнительную охрану. Камеры видеонаблюдения будут установлены на улицах в ближайшее время. Не забывайте о мерах предосторожности! Не гуляйте в одиночку, особенно это касается детей. Прежде чем выйти на улицу, обязательно посмотрите в окно. Убедитесь, что снаружи нет ничего подозрительного и вам ничто не угрожает. Пожалуйста, будьте бдительны!

Новость от 12.02.1967

Новые пропажи, в этот раз пострадали в основном женщины и чернокожие люди. Правительство уже решает вопросы безопасности.

Сообщение от 03.07.1968

Люди, похищенные животными, с десятого июля этого года не будут числиться в списке пропавших. Президент подписал закон, в связи с которым пропавшие считаются мертвыми, так как возвращение из людопарка практически невозможно.

Подробнее вы можете ознакомиться с ныне действующими законами на сайте «Конституция», Раздел 2, статья 25 «О попавших в людопарк».

Новость от 20.01.1970

Камеры видеонаблюдения зафиксировали медведя на окраине города вблизи леса. Просим жителей близлежащего района воздержаться от прогулок.

Срочные новости 25.07.1974

Людопарк — не пожизненное заточение! Сбежать можно!

Сегодня на побережье океана охранниками были замечены пятеро мужчин, приплывших на самодельном плоту.

«Они были без одежды, прикрывались какими-то листьями, похожими на лопухи. Я сразу догадался, чем вызвано их странное появление. Помню грязную кожу, отросшие волосы и бороду, даже у самых молодых все это было хорошо заметно».

«Выглядели они жутко. Разумеется, мы сразу сообщили куда следует и как могли помогли бедолагам. Кто-то отдал им верхнюю одежду, кто-то поделился едой. Они мало что говорили, слишком сильно было потрясение. Однако двое заплакали, должно быть, от счастья».

Личность сбежавших определена. Сейчас они находятся в больнице на восстановлении. Позже, когда мужчины придут в себя, они обязательно ответят на все вопросы по поводу людопарка.

Сообщение 04.10.1974

Пропало более десяти человек, среди которых пятеро мужского пола. Является ли то мстью животных? Правительство не дает точного ответа.

Сообщение от 01.02.1975

Обновлены меры защиты! Отныне при фиксировании животного или птицы на камерах в районе будет включаться специальная сирена, оповещающая об опасности. Если вы оказались в этот момент на улице, немедленно зайдите в какое-нибудь помещение и выждите, пока все не кончится.

Новость 08.08.1980

Сигнализация помогает, однако после пяти лет спокойной жизни животные вновь принимаются за старое. Не всегда удается запечатлеть их на камерах, оттого пропадают невинные прохожие. За последние несколько дней зафиксировано восемь пропаж. Вопрос о введении дополнительных мер ак-

тивно обсуждается.

Новость 15.12.1982

Обнаружена птица в западном районе. Пока не пройдет проверка, на улицу выходить строго запрещено.

Сообщение 19.03.1987

Новые пропажи, рекордное количество — пятьдесят человек. Службе помощи удалось найти и подстрелить одного медведя.

Новое сообщение от 02.11.1991

Похищены несколько детей.

Новость 21.10.1999

Деревня за городом недосчитывается двадцати жителей.

Отрывок из новостей 10.06.2008

Благодаря такому изобретению, как квадрокоптер, которое недавно приобрело огромную популярность, службе по делам людопарка удалось заснять отдельные его участки. Те-

перь все смогут увидеть, какой же людопарк на самом деле!

Следователь заметил: «Это изобретение наверняка во многом поможет нам. Раньше мы имели лишь представление об устройстве людопарка, теперь же увидим всю правду своими глазами. При более тщательном обследовании вскроются новые факты, ныне неизвестные. На данный момент из записанного мы опознали трех мужчин, пропавших ровно девять лет назад. Пока животные ничего нового не предприняли, надо успевать действовать».

Сообщение 11.09.2012

Произошло новое похищение — пропало пятнадцать людей, из которых восемь составляли дети. Дрон, пытавшийся отследить их, был сбит несколькими птицами. Записи восстановить не удалось.

Новость от 20.07.2021

Похищения продолжаются. Соблюдайте осторожность и, выходя на улицу, смотрите по сторонам и под ноги. Ловушки животных могут встречаться везде. Будьте благоразумны!

ЧАСТЬ 1

Глава 1

— Что будешь на завтрак? — спросила Света, оборачиваясь через плечо к своему мужу. Поинтересовалась она искренне. Намеревалась сделать тому приятное, считала, что вкусное блюдо с утра поднимает настроение как никогда.

— Смотря что у нас есть. Кашу? — предложил он. Глаза его чуть сузились, легкая улыбка заиграла на лице. Непонятно почему. Этот день ничем не отличался от других: сейчас он пойдет на работу по знакомым улицам и переулкам, вечером вернется уставшим, затем его встретит жена, и несколько часов до сна они проведут вместе, окруженные заботой и любовью. Если в прокат выйдет какой-нибудь фильм — они могут сходить на него или, коль наскучит, пойти погулять.

— Отлично, кашу! — ответила она и улыбнулась. Крупы было навалом, так что идеальнее завтрака не придумать.

Мужчина по имени Петр, как только перед ним оказалась тарелка, стал равномерно распределять растекшееся масло. Как обычно, завтрак у Светы получился очень хорошо.

— Ты только будь аккуратнее, — неожиданно произнесла жена, когда он уже собрался уходить. — Помнишь недавнюю ловлю в западном районе?

— Помню. Ужасно все это.

— Смотри по сторонам и в случае чего убегай. Я не хочу, чтобы с тобой приключилось так же. Ты у меня один. — Лицо у нее стало до того серьезным, что у Петра по телу пробежали мурашки.

— Света, все будет хорошо, как всегда. Не переживай, — он поцеловал ее в щеку и взял с комода сумку. Он уже опаздывал, часы показывали без десяти девять. Не стал смотреться в зеркало, чтобы поправить футболку. Время поджимало, а начальника злить не хотелось.

— Пока. Вернусь в шесть, — бросил он уже на лестничной клетке. Сомневался, что жена услышала его, так как дверь была уже заперта. Само собой, ему не о чем было беспокоиться. То, что случилось с теми людьми, конечно, очень печально, и таких случаев в истории немало. С того момента, как несколько сотен тысяч лет назад вследствие необъяснимой современными учеными катастрофы раскололся континент и весь земной шар приобрел несоразмерную массу

из суши и километров воды, мир людей целиком и полностью отделился от всего существа зверей. Материки приняли весьма своеобразную форму и неприятный глазу размер, какой прежде не видывала земля. Планета претерпела огромные изменения не только в строении, но и в климате. Уже тогда животные стали превосходить по интеллекту и объему головного мозга людей. Сколько за все это время несчастное общество пережило потерь — и не сосчитать. Совсем не обязательно, что он, среднестатистический мужчина, станет жертвой зверей. По крайней мере, не сегодня. Этот день такой солнечный, такой прекрасный... что может пойти не так?

Петр шел по знакомой дороге, по которой он ходил каждый день, даже в выходные. Главная улица вела напрямик в магазин или, если в конце свернуть направо, — на работу, а захочешь прогуляться — слева парк. Лето было в самом разгаре: солнце ярко светило в небе, нагревая и без того теплый асфальт. Для их города такая погода была редкостью, но в противоречии этому людей было не так много. Все куда-то спешили. Кто-то смотрел себе под ноги, некоторые глядели вперед. Улыбка, конечно, у них на лице не играла, но и злости во взгляде не чувствовалось. Сам Петр вполне разделял общее настроение. Все вокруг твердило о том, что день этот будет если не прекрасным, то хотя бы средним. Однако нотка беспокойства все еще донимала его где-то в недрах мозга.

Он дошел до супермаркета, где пока что находились только сотрудники, и повернул направо, обогнув дерево и несколько кустов. Как ни в чем не бывало зашагал вперед. Там, буквально через метров триста, виднелось здание с его офисом. Удивительно, но весь народ остался за переулком, позади. Впереди Петр никого не наблюдал, а обернувшись, не увидел никого и сзади. Его это насторожило: с чего вдруг стало так пусто? Он не жил в центре города, но каждый день встречал по пути более пяти человек, иногда даже своих знакомых. Не стал придавать этому какое-то значение, все равно ему нужно идти в одном направлении. Не пойдет же он из-за отсутствия людей обратно? Поэтому Петр шел, глядя по сторонам, изучая красивый пейзаж. Он не имел художественного образования и не обладал какими-то навыками живописца, но взглядом любителя понимал, что то, как падают лучи солнца на зеленые кроны деревьев, выглядит замечательно. Шел он своим обычным широким, торопливым шагом. Еще когда выходил из дома, то оторвался от графика на минуты две, а опоздать желанием не горел. В один момент ему показалось, что сзади кто-то идет, но, обернувшись, никого не увидел. Скорее всего, это был звук его собственных шагов или сумки, трущейся о штаны.

Почти у офиса — ему оставалось пройти лишь несколько метров — у него перехватило дыхание. Произошло данное

резко и неожиданно, особенно для человека, который думает о своем. Делая очередной шаг, он не почувствовал привычной упругости земли. Ступня его опускалась все ниже и ниже, до тех пор пока он с бешеной скоростью не полетел вниз. Мозг в критической ситуации начинает работать так, как не работал никогда. За одну секунду множество образов представилось ему. Подумал, что падает в какую-то яму, хотя в этом месте никогда не было такого. Если строители и вырыли яму, то оставили бы предупреждающие таблички. Тогда что это было? Он не вскрикнул, не издал ни единого звука, но сердце его колотилось с бешеной скоростью.

Упал Петр вполне себе удачно. Разве что ушиб правую ногу: при соприкосновении с дном та подвернулась, и в щиколотке что-то кольнуло. Подействовало состояние шока, и он мало что почувствовал. Удивился — да! Но не ощутил какой-либо боли. Что это было?! Откуда здесь вообще это взялось!? — в ярости подумал он. Запрокинул голову вверх и ужаснулся, увидев, насколько глубока яма. Больше его роста уж точно. Кроме того, такой причудливой формы, точно вырыта не лопатами или при помощи экскаватора, а лапами. Внушительная по своим размерам как в ширину, так в длину и высоту. Нетрудно было понять всю правду происходящего, ту ловушку, в которую он собственноручно угодил. О Господи! Петр ненавидел мучителей людских в тот миг крайне сильно, к чему не могла приблизиться ни одна

здоровая фантазия. Падению не удалось заставить его лечь. Находился он в самой что ни на есть своеобразной позе: одна нога была подвернута под тело, другая же вытянулась прямо. В руке он все еще сжимал свою сумку. Весь вид его являл собой ту степень омерзения и ужаса, которая у любого стороннего наблюдателя вызвала бы приступы жалости да беспредельного сочувствия: лицо бледное, губы плотно сжаты в одну тонкую, чуть посиневшую от пережитого страха нить, волосы растрепаны. Ноздри сузились, глаза вопреки легкому шоку не были широко открытыми, наоборот. Ему хотелось рвать и метать. Зол он был также и на себя: как он это проглядел? Мучительной была не боль от резкого падения, а представление о том, что скоро, с минуты на минуту, вместо чистого горизонта неба он увидит мохнатые коричневые морды.

— Помогите мне! — крикнул он сперва не во всю мощь голоса.

Следующая просьба о помощи прозвучала уже громче:

— ПОМОГИТЕ МНЕ! ЛЮДИ!! Я ЗДЕСЬ, ПОМОГИТЕ МНЕ!!!

Противоречивые чувства настигли его. Он пребывал в смятении, не знал, о чем думать, что предпринять и за что в

первую очередь следует взяться. С одной стороны, орать не стоит, иначе животные услышат шум и прибегут как можно раньше. Поймут, что добыча поймана, а этот шанс упустить нельзя. С другой — они его тем не менее засекут, кричи он или нет. Вот почему не было людей! — ярость постепенно стала отступать. До паники пока не дошло, но отчаяние и страх перед возможным появлением зверей скоро начнут брать свое. Они ушли, нет, они разбежались! Должно быть, увидали кого-то. Обычный умный поступок. Спасут ли они меня, даже если я надорву голос в крике? Ответ был очевиден, хоть и крайне плачевен. Никто не захочет рисковать собой, чтобы спасти того, чье будущее давно предвещено.

Петр встал на ноги и тут же содрогнулся от неожиданного укола, пронзившего подвернутую щиколотку. Раньше ему не доводилось ощущать подобное. Да что говорить, раньше ему вообще не доводилось попадать в лапы животных! Причем таким примитивным способом. Наверняка, не задумайся он о своем, заметил бы подозрительный участок земли, где вместо травы были набросаны какие-то ветки. Просто смешно, что он, человек с высшим образованием, прошедший, как и все люди, курсы по изучению ловушек животных, сумел угодить в дыру. Никогда нельзя отвлекаться! Думал, раз поймали тех, звери успокоятся на этом и уйдут из их города. Как наивно, тем более для него. Судьба ошибок не прощает, а животные уж тем более. Где сейчас те несчастные? В

каких они находятся клетках? Ох, Господи!! Что теперь делать? Петр больше не кричал, ведь смысла в этом не было. Скорее всего, один вред. Прикусил нижнюю губу. Плевать на боль, плевать на ногу, ее можно легко вылечить, а вот выбраться отсюда...

Мало у него было времени. Уже представлял, как сюда бегут животные на своих четырех лапах и с радостным рыком, повествующим о благополучном срабатывании ловушки. Высота ямы не позволяла просто схватиться за край руками и подтянуться. Что говорить, звери в этом плане постарались. Сейчас, побывав на дне дольше пяти секунд и овладев своим разумом, Петр сумел приблизительно оценить размеры: метра три-четыре в высоту. Даже для человека высокого роста требовалось минимум три точки опоры, чтобы выбраться. В любом случае Петр поддался разбушевавшимся нервам. Делал все, что только можно! Искал углубления в земле, вставал на них ногами, пытался нащупать камень или отверстие наверху. Мало ли, вдруг получится убежать? Ясно ощущал большую ногу, но в его положении это было сущей мелочью. Не думал ни о чем, ни о пойманных людях, ни о любимой жене. Выживание любой ценой — вот что для него теперь имело значение. Сейчас рыхлость земли и возможность нащупать в ней углубления или, наоборот, выступы решали его судьбу. К счастью, пока он не слышал ни единого звука животных — это добавляло шанс спасению,

пусть и небольшой. Он смотрел по сторонам, изучал земляные стены. Взгляд его зацепился за что-то. Да! Удалось, хоть и чудом, найти углубление примерно на уровне колена, куда он мог поставить одну ногу. Этого недостаточно, чтобы выбраться, но все же лучше, чем смирно дожидаться при-
скорбной участи. Подошел к отверстию небыстро, прихрамывая. Сделал все, как планировал, а затем началась непрерывная борьба. С трудом нашел он опору для своей второй ноги. Свобода казалась такой близкой, такой манящей. Больше всего боялся не успеть, оттого делал все, что только было в его силах. Взобрался он выше прежнего, это однозначно, но руки также не доставали до края. Более того, стоя на выступе, он терял равновесие. Спина заваливалась назад, рукам не за что было зацепиться. Не доставало третьей точки.

С первого взгляда могло показаться, что прошло очень много времени, секунды улетали, минуты тоже. Отнюдь, Петр старался делать все быстро. Не сказать, что у него хорошо получалось. Совершенно забылись все уроки выживания, слова учителя о том, что делать, если упал в яму. Неужели он угодил в самую коварную ловушку зверей? С одной стороны, из каждой ловушки выбраться нелегко. Максимальное его приближение к свободе было на метр. На последнем рывке воплотился его самый страшный кошмар. Земля осыпалась, и правая, и без того искалеченная падением нога соскользнула вниз. Боль, ах, ужасная боль, просто невыносимая! По-

терял сознание Петр отчасти и от испуга. Так и лежал навзничь. Ширина ямы позволяла это.

Скорее всего, то не являлось глубоким обмороком — легкое помутнение рассудка, но не более, ибо уже через минуту ясность мыслей вернулась к нему. Постепенно и мутно, и все же происходящее он понимал. Глаза открывать не спешил: пусть думают, что он либо умер, либо без сознания. Достаточно он прожил на свете, чтобы знать, кто руководил людопарком. Смотрел передачи по телевизору, читал новости. Без сомнения, для человеческого восприятия это отвратительно, и каждый раз при виде того, как живут люди в клетках, — пусть съемка проводилась издалека и сверху, — на глаза наворачивались слезы. Маловероятно, что Петр сумеет спасти свою жизнь сейчас, но вдруг? Целиком отдался своим ощущениям, доверился обонянию и слуху. Глаза его закрыты, значит, другие органы чувств работают прекрасно. Точно, не мог он ошибаться. За ним уже прибыли и скоро увезут отсюда. Он слышал звук, что-то вроде рычания. Шорох еле заметных шагов доносился сверху и где-то рядом с ним. Насколько Петр мог доверять себе, возле него собралось минимум четверо медведей. Если я продолжу притворяться мертвым, они бросят меня здесь? — подумал Петр, и мысль эта показалась ему вполне дельной и логичной. Плохо помнил, но где-то слышал, что при нападении медведя нужно притвориться мертвым, так будет выше шанс спастись. В его по-

ложении любые способы хороши, главное, чтобы его оставили в покое. Пока еще была возможность выжить — необходимо было действовать. Неважно, как это будет выглядеть со стороны, странным или сумасшедшим он покажется зверям, все равно. Как-то убежать, сохранить свою жизнь. Даже не ради себя, а ради своей жены.

Глава 2

Петр не шевелился. Слушал все, запоминал каждый рык медведей, каждый шелест травы. Чувствовал, как мягкие лапы прошлись по телу. Особенно больно задела его правую, подвернутую ногу. Примерная картина начала складываться в голове Петра: звери никогда не ловят людей в одиночку, берут с собой опытных ловцов и, безусловно, одного врача на случай, если что-то случится с добычей. В данном случае добычей являлся сам Петр. К сожалению, животные обладали значительным интеллектом, оттого вражда между двумя расами существовала по сей день. Вот и сейчас медведь-врач легко определил, что у него что-то не так с ногой. Медленно ощупывал щиколотку, иногда чуть надавливая на некоторые места. Он думает, что я без сознания, — решил Петр, но мысль эта ничуть не утешила его. Было бы куда лучше и правильней, думай животные, что он мертв. В чувства привести человека легко, а вот оживить — дело другое. На всякий случай глаза открывать не стал, даже ненамного, чтобы приблизительно изучить обстановку. Не стоит экспериментировать с животными, тем более с медведями. Слух и обоняние у них были выше всяких похвал. Старался ничем не выдать себя, не шевелил ни одной частью тела, дышал слабо, чтобы, не дай бог, не спровоцировать их на какие-либо не поддающиеся законам людской логики действия. Решил про себя:

пусть лучше его, больного, едва дышащего и явно не пригодного к каким-либо личным целям человека бросят здесь, нежели ему придется провести остаток жизни за решеткой на совершенно другом краю планеты. Петр ждал, как будут дальше вести себя звери. Плана как такового в его голове не было, но кое-какие мысли о побеге присутствовали. Намечался изображать мертвого до тех пор, пока его не вытащат из ямы. Далее он резко сорвется с места и побежит что есть мочи. Быть может... Нет! Вероятно, не лучшая затея, но ничего другого в голову не лезло. По-другому миновать похищение невозможно. Мало ли, удастся убежать, спрятаться где-то за домами или даже попасть во внутрь. По правде, это был единственный вариант спасения, который вообще существует. Он проиграл животным тогда, позволив себе задуматься и не глядеть под ноги, теперь он не мог потерпеть неудачу вновь. Слишком многое стоит на кону — его жизнь.

Звери о чем-то друг с другом переговаривались, издавали звуки, отдаленно напоминающие человеческое мычание. Лапы медведя, до этого момента ощупывавшие его ногу, перешли на грудь. Петр догадался: тот проверяет сердцебиение и дыхание. Когда он это, ему сделалось еще страшнее, чем было до этого. Мозг сразу стали посещать навязчивые страхи: они поймут, что он в сознании, и тогда беды не миновать. Совсем не дышать, даже на время, он не мог, поэтому заставил себя вдыхать слабо, практически незаметно. Серд-

це биться от этого слабее не станет, но тем не менее что-то да изменится. Тяжелая лапа потрогала его левую сторону груди, затем чуть прошлась по носу. Медведь-врач что-то передал своим товарищам, и в следующую секунду Петр почувствовал, как сдавливают его ноги. Мало сказать, что он удивился или ужаснулся, ощущение, охватившее его душу, было менее похожим на страх. Почувствовал себя наивным маленьким ребенком и в довершении ко всему глупым. Даже если медведи думают, будто Петр в обмороке, это не отменяет того факта, что он чем-то отличается от других живых существ, по-прежнему оставаясь человеком, представляющим из себя не менее ценный экспонат с виденной невооруженным глазом областью гениталий и гнущимися конечностями, что так приводит в восторг каждого, кто хоть немного покрыт сгустками шерсти или перьями. Что мне делать? Ой, нет... мои ноги. Я чувствую... да, это определенно веревка. Старый способ, но вполне действенный. Что мне делать?! Имеет ли смысл вырываться сейчас, когда я нахожусь на дне ямы, а сверху стоят еще сколько-то медведей? Нет. Скорее всего, будет еще хуже и мне вколют снотворное. Но смогу ли я выбраться тогда, когда связанными окажутся не только мои ноги, но еще и руки? Разум его работал быстро, как компьютер. Меньше секунды потребовалось ему, чтобы представить, как он будет убегать на поверхности. Причем «убегать» сильно сказано, скорее прыгать. Немудрено, что медведям не составит труда его догнать. И исход тот же — снотворное.

Однако что, если у него получится развязать веревку? Нет, вряд ли. Но у медведей наверняка должна быть лестница! Или что-то вроде нее! Пусть они хорошо лазают по деревьям, но земля — это другое. Тем более почти без точек опоры и под прямым углом. Что говорить, оба варианта имели свои минусы.

Петр больше не раздумывал, он подорвался с такой скоростью, какая была неведома для него самого. Никогда не думал и даже не подозревал, что умеет бегать так быстро. Но и не только бегать — видеть и реагировать. К счастью, животные не успели до конца затянуть веревку. Несколько резких движений, и медведь-врач буквально отпрянул от него. Петру ничуть не было жалко зверей, его удары, пусть и ногами, все равно не могли быть губительными. Прежде чем забежать на лестницу, краем глаза он увидел морды медведей, услышал их громкий рык, доносящийся не только снизу, но и сверху. Не было у него времени на размышления или на крики о помощи, он был полностью сосредоточен на своих движениях. Все происходило точно в кино — один его глаз видел происходящее внизу и то, что медведи уже принялись лезть за ним, второй — как приготовились к его появлению животные сверху. Работники людопарка жестокие, но они выполняли свой долг. Их задачей было доставить человека-самца в парк живым, желательно в целости и сохранности. Хоть в чем-то Петру повезло, он не умер. Его могли

усыпить на некоторое время, но живым он останется наверняка.

Достиг конца ямы он быстро. Глупо было ожидать, что два медведя, которые уже подготовили для жертвы кузов грузовика, просто так дадут ему пройти. Признаться, таких больших созданий ему не доводилось встречать никогда. Да что там говорить! Вживую он, в принципе, видел их в первый раз. По телевизору или на фотографиях не тот эффект — изображение не передавалось полностью, во весь объем и величину. Еще страшнее ему не стало, ведь сейчас он находился на том пределе, когда кончики пальцев слабо дрожали, а волосы на макушке стояли дыбом. Петр сделал все возможное. Только коснувшись земли, он, ни секунды не медля, ринулся вперед. В небольшую щель ровно между двумя медведями. Кроме этого варианта, ему ничего не оставалось: весь путь они загородили телами. На всякий случай лестницу он откинул назад. Твердо знал, что это необходимо. Сил его хватило, чтобы та начала падать. Медведи, успевшие взобраться почти до ее конца, зарычали настолько громко, что Петр едва ли не позабыл собственное имя — чересчур неожиданно это произошло! Звери при этом выглядели устрашающе злобно, они оскалились, черные глаза недобро засверкали. К счастью, Петру удалось проскользнуть. На секунду ему показалось, что он бежит так быстро, точно готов побить рекорд по легкой атлетике. Он поверил в себя, душу

его пронзил луч надежды, мол, спасение близко. Благодаря самовнушению напрочь забыл о подвернутой правой ноге. Увы! Та помешала ему. Упал он не оттого, что его догнали или пустили дротик со снотворным. После нескольких шагов нога взорвалась такой болью, которой он и вообразить не мог. Со вздохом упал на землю и остался лежать. Ничто не могло заставить его продолжить бег, тем более теперь. Трудно было шевелить ступней, не говоря уже о том, чтобы развить скорость быстрее скорости медведей. Петр хотел жить как никогда, любил свою жену Свету так, как не любил никого, но подняться никак не мог. Минуты для него длились вечно. Плохо помнил, что было дальше. Представление о самом перевозе его на другой конец планеты, на соседний континент, в место обиталища всех существующих и существовавших когда-либо животных, осталось весьма смутное. Что-то кольнуло его в бок. Толком ничего не почувствовал, нога забрала на себя всю концентрацию его внимания. Возможно, уже тогда он начал терять сознание от боли, а снотворное лишь добавило нужный эффект.

Петр целиком и полностью окунулся в небытие. За все время, что он ехал связанным в кузове грузовика вместе с остальными пойманными людьми, когда за ними с переднего сиденья следили медведи, ему успело присниться несколько снов. Самых разных, но таких правдоподобных и реальных, что, как только действие дурмана стало рассеиваться,

перед глазами все еще стояли эти страшные картины. Окончательно проснуться он не мог, веки то чуть приподнимались, то снова опускались. Сон сморил его сильнее обычного, в связи с чем мозг решил, что он находится в своей постели. Слишком события с ямой и зверьми были неожиданными, чтобы, проснувшись, не забыть, где находишься. Так же и Петр. Казалось, рядом с ним посапывает Света, соседи сверху, как обычно, шумят... Нет, как это возможно? Он перевернулся на другой бок. Постель отчего-то была твердой и жутко неудобной. Подушка куда-то закатилась, скорее всего, упала с кровати. Хотел было закинуть руку под голову — не вышло. Рука не поддавалась. Огромными усилиями, преодолевая сонливость от сильнодействующего снотворного, Петр открыл глаза.

Картина, представшая перед ним, не входила ни в какие рамки восприятия и понимания. Однако для мира животных это было вполне обыденным и даже радостным событием. Подумать только, в парк едет новый экспонат! Причем в его случае не едет, а летит. Само собой, звери, жившие на другом краю планеты, не смогли бы собственноручно донести его в грузовике. Клетка и просторный самолет — вот что им было нужно. Его новое место обитания большим не было, в нем нельзя было стоять, высота позволяла лишь сидеть, но и ширина также не казалась внушительной. Ему повезло, спал он ровно таким образом, чтобы не задевать ни одного прута,

по центру. Не нужно было оглядываться по сторонам, Петр видел все без лишних движений. Так как клетка его располагалась в самом краю самолета, ближе к стене, ему открывался отличный обзор на другие подобные клетки с такими же, как и он, несчастными людьми. Само собой, звери никогда не ездили так далеко только за одним человеком. Улов для парка происходил не то чтобы редко, но невинных людей они отлавливали десятками, если даже не сотнями за один присест. Вот и сейчас — не меньше десяти клеток с людьми находились в этом самолете. Петр не то чтобы много знал о повадках и намерениях животных, новости в интернете не могли показать им детали, только общую картину. В конце концов, вернуться из людопарка живым было практически невозможно.

Никто из людей еще не проснулся. Петр стал первым, кто мог здраво мыслить после всего пережитого. Сколько прошло времени? Должно быть, несколько часов... Или нет? Петр бросил взгляд на самую ближнюю к нему клетку, в которой на спине лежал парень, молодой, ему будто не исполнилось и двадцати. Губы его были плотно сжаты, глаза закрыты. Кожа не бледная, однако свежий румянец и признаки здоровья отсутствовали. Грудь его вздымалась едва заметно, а на руках, в том месте, где заканчивались рукава, виднелись царапины. Чуть подальше спала, свернувшись в клубок, женщина, еще дальше тихо посапывала другая, одина-

кового с Петром возраста. Были здесь и совсем маленькие, которым не то что двадцати лет, семнадцати не исполнилось! Разве что отсутствовали престарелые, но оно и понятно: к чему животным тратить время на стариков, если те все равно долго не проживут? В этом плане молодым было куда опаснее ходить по улицам. Но ничего не поделаешь. Все эти люди мирно спали, стало быть, думали, что находятся в своей квартире и, кроме страшного сна, ничто не угрожает им в эту минуту. Петр вплотную приблизил голову к прутьям. Животных он не обнаружил. Иллюминаторов также не было. Само собой, самолет был другим, звери изобрели его специально, чтобы людям ничего не мешало при транспортировке. Сами же звери находились за стенкой.

Где-то на другом конце слышался храп, но звук его не так сильно отзывался в ушах в сравнении с гулом самолета. Что теперь? — подумалось Петру. По правде, он пребывал в некотором смятении, не знал, что предпринять в первую очередь. Из-за всей суматохи и ужаса положения, в котором он оказался, Петр совершенно забыл про свою подвернутую ногу. Он осматривал людей вокруг, но на себя обратил внимание в последнюю очередь.

Надета на нем была та же одежда, в которой он вышел из дома. Естественно, опрятной и чистой, как раньше, та уже не являлась. Но самое главное — нога! Следовало ожидать, что

он увидит обувь и носки, так и получилось. Достаточно хорошо помнил ту боль, что испытывал, пытаясь убежать от медведей, поэтому с большой опаской пошевелил ступней. В ноге отдавало резкой болью при повороте вправо, влево же он ничего особого не чувствовал. Ощущения были не такими, как тогда, тем не менее обстановка, давившая на него, заставила неплохо испугаться. Будь Петр намного моложе, наверняка слезы отчаяния выступили бы из глаз. Теперь же он научился контролировать эмоции. Старался рассуждать здраво. Он помнил, как здесь оказался: ему вкололи снотворное, буквально несколько снов, и он очнулся в нескольких тысячах метрах над землей. Слишком грубо это звучало, но против правды не сделаешь ничего. Петр попробовал проанализировать ситуацию, ответить себе на вопрос: есть ли смысл бежать? Он, как и прочие люди, находится в довольно-таки безвыходном положении. Его, измученного снотворным и последними событиями, везут в давно известную, но оттого не делающуюся менее страшной даль. Только Бог знает, сколько он провел в отключке. Может быть такое, что часов пять, но вполне вероятно, и дольше. Нога болит, бежать быстро он не сможет. Дом его далеко, смотря сколько они уже летят. Ответ был очевиден — шансы небольшие, однако Петр предпочел бы что-либо сделать, совершить даже малейшую попытку, прежде чем целиком отдаваться во власть жестокой судьбы. Не хотел тяготить себя мыслями о том, что все кончено и с другого конца земли сбежать он не сможет

уж точно. В его положении дурной настрой был ни к чему. Меньшее, что он мог сделать, — это впасть в панику.

— Люди! — сказал он сперва не очень громко. Намеревался разбудить лежащих вокруг. Лучше сделать данное сейчас, пока еще не стало поздно. Насчет животных не беспокоился, они в любом случае будут проверять людей. Все равно, что услышат. Вряд ли медведи способны понять человеческий язык.

— Проснитесь же! — уже громче продолжил Петр. — Ле-ди и джентльмены!! — крикнул он и улыбнулся. Сам не знал чему; повод для смеха в подобной ситуации — признак сумасшествия.

Парень возле него что-то недовольно промычал, но не сдвинулся с места. Даже не перевернулся, чтобы сменить позу. Петр сделал вывод, что тот и не просыпался вовсе, лишь разговаривал во сне.

— Очнитесь вы! Эй!! — он делал все возможное, чтобы его слышали. Не могло же действие снотворного быть настолько сильным, чтобы не было слышно даже криков?

Петр принял в клетке сидячее положение, отчего голова уперлась в верхние прутья. Не то чтоб так было удобнее,

но сверху было проще разглядеть лица других людей. В своих действиях он не сомневался, ведь, в самом деле, имелся смысл разбудить всех именно сейчас. Гораздо лучше продумать план спасения или что-то вроде того, нежели дожидаться собственной кончины, особенно когда еще существовала возможность выбраться. Не имел ни малейшего понятия, когда они взлетели и когда прилетят. Петр думал или, можно сказать, надеялся, что людские рассказы о том, как и где звери поймали их или что они помнят в целом из произошедшего, как-то помогут им всем избежать страшной участи. Был уверен, никто из здравомыслящих существ не пожелал бы остаток жизни провести в клетке под вечным наблюдением. Такая жизнь виделась им только в страшных снах. Невероятных, отвратительных кошмарах, после которых просыпаясь среди ночи в холодном поту и, чтобы хоть как-то избавиться от увиденного, встаешь попить воды.

Когда он в очередной раз позвал людей, практически потеряв надежду, — начал подозревать, что снотворное им вкололи в особо крупных дозах, — они один за другим стали медленно подавать признаки жизни. Кто-то кашлянул, кто-то открыл глаза, кто-то продолжил лежать, но закинув под голову руку.

— Что ты орешь? — сонно протянул кто-то. Петр не разглядел этого человека, слишком уж плотно друг к другу бы-

ли расставлены клетки. Судя по голосу, уже не молодой, но и не совсем старый мужчина.

— О! Проснитесь же наконец. — Петр подумал сказать: «Вас украли звери», но это прозвучало бы настолько жестко, что он воздержался от этого, пусть так и было на самом деле. — Вы в самолете! Хотите провести всю жизнь в людопарке?! Оглянитесь вокруг! Неужели непонятно, что надо как можно скорее что-то предпринимать!

Разум его не был достаточно совершенен для того, чтобы самостоятельно придумать, как спасти свою вольную жизнь. Надеялся, что коллективными усилиями все разрешится. Вдруг среди них найдется пилот, и они, поборов медведей и других зверей, улетят домой? Или, например, они найдут парашюты и выпрыгнут из самолета без угрозы смерти? Неразумно, маловероятно, но в теории может произойти все что угодно.

Люди постепенно поднимались со своих мест. Первыми начали оглядываться его соседи. Парень возле Петра с откровенным ужасом смотрел по сторонам, точно вспоминая, что произошло. Взгляд его выражал крайнее смятение и некоторый ужас. У всех, кто только открыл глаза, были практически одинаковые мысли. Они не заключались в конкретных вопросах, мозг лихорадочно силился вспомнить, что

произошло. Петр не винил их в этом, нужно было время, чтобы все, абсолютно все, кто находился сейчас здесь, до конца осознали происходящее. Он уже понял, что в одиночку сбежать или что-либо сделать, скорее всего, не получится. Люди не глупы, наверняка большинство из них уже пытались бежать. Немудрено, что у всех здесь присутствующих это не вышло. Быть может, в самом людопарке коллективное участие не потребуется, все как в тюрьме — строить план побега и рыть подкопы придется в одиночку, но сейчас, в самолете, одному делать было нечего.

— Чертовы медведи! — крикнул кто-то.

— Сколько прошло времени? — слышался женский голос.

— Где мы? О Господи! Мы в самолете? Мы летим в людопарк? Я не хочу туда, — слышался звук наподобие плача. — Меня предупреждали, что такое может случиться, но я не думала, что не повезет именно мне. Это ужасно! — твердила девочка, как понял Петр, самая маленькая среди всех. Практически ребенок.

Петр видел это молодое личико с юными заплаканными глазами всего в паре клеток от себя. По его телу пробежали мурашки. Даже за себя он не боялся так, как теперь за

эту девочку. Они не звери, они кое-что похуже. Хотя Петр признавал, что в людопарке действительно есть специальный отдел с детьми, ничего хуже нельзя придумать, ничего подобного нельзя и пожелать. Задавался вопросом, как он проглядел эту девочку в самом начале? Не по собственной воле мозг Петра выдал ему картинки новостей, где с высоты снимали многочисленные клетки людопарка с сидевшими в них людьми. А именно вспомнил он тех несчастных, до ужаса худых деток. Сердце защемило от страха, что этой напуганной девочке предстояла та же участь. Петр не тешил себя надеждами, но предугадывал, что, скорее всего, так и произойдет.

— Я помню, — вступил в разговор парень, — как нас загружали в самолет. Немного я пробыл в сознании, всего несколько минут. Толком ничего не успел сделать и как следует подумать. Какой-то медведь заметил меня, и на этом все. Могу приблизительно сказать, что сейчас день, поскольку нас всех, как видно, поймали утром. — Парень, увидев напряженные взгляды людей на нем, тут же спохватился и добавил: — Не стоит всерьез воспринимать мои слова. Я не уверен ни в чем. Время только приблизительное.

— Но все же вы единственный, кто что-то помнит, — вдруг сказал Петр. — Лично я пытался сбежать, но повредил лодыжку. Дальше не помню, что именно произошло.

— А как вас поймали? — спросил кто-то из дальнего угла.

— Я упал в яму.

— Ого! Я тоже, — выкрикнула какая-то женщина.

— И я.

— Нет, я ни в какую яму не падал. На меня набросили сеть. Это был первый раз, когда я шел возле кустов в парке, и тут — на тебе! К слову, я тоже сбежать пытался. Сеть у них была своеобразная, сильно отличающаяся от наших, рыболовных. Выпутаться не получилось, ну а дальше, собственно, вот!

— Сочувствую вам.

— Поймите, сочувствие нам выбраться не поможет, — вмешался в разговор до этого молчавший мужчина. Сидел он через несколько клеток от Петра. Лицо его было плотно прижато к прутьям, глаза не выражали ничего жизнерадостного. Полная сосредоточенность. — Если мы сможем выбраться из клеток, то велика вероятность на удачный исход. Надо только понять как... есть у кого-то оружие?

— Откуда?

— В самом деле, животные все забрали!

Петр, услышав это, незамедлительно проверил карманы джинсов. Портфеля у него, действительно, с собой не было. Либо его отняли, либо он так и остался лежать в яме, которую медведи, вероятнее всего, уже закопали, дабы не обнаружили следы похищения. Тем не менее в штанах должны были лежать ключи, несколько купюр по сто рублей. Руки не нащупали ничего такого, что напоминало бы эти вещи.

— Меня обокрали! Где мои ключи?! — крикнул он, подвергшись эмоциональному порыву. Чувства стали постепенно заполнять разум. Как так можно?! Это бесчеловечно!!!! Моя Света... как она там... Ох, нет! Боже, нет!!

— Ну это же очевидно. Животные никогда бы не оставили нам личные вещи. Знаете, даже острым концом ключей можно выкопать туннель.

— У меня тоже ничего нет. Они забрали даже чек, который я все никак не могла выкинуть, — недовольно проворчала женщина, доставая из кармана пустую руку.

— Вы уверены? — строго спросил мужчина. — Любые виды оружия помогут нам выбраться. Вы же все хотите вер-

нуться домой?! — уже громче сказал он, при этом зачем-то разведя руки в стороны.

Люди притихли. На мужчину смотрели абсолютно все, включая Петра, что уже успел проникнуться к нему невольным уважением. Говорил тот хорошо, а его рассуждения по поводу побега были вполне реальны. Увы, некоторые, на ком был надет пиджак или другая верхняя одежда, не нашли ничего и во внутренних карманах. Даже младшие не остались равнодушными, проверяли все, надеясь найти хоть что-то стоящее.

— Уважаемые, — продолжал мужчина, — забудьте про закон. Если мы попадем в людопарк, для нас не останется ничего о понимании человечества. Прошу вас! Совместными усилиями мы сможем выбраться.

— Думаю, если бы у кого-то из нас был пистолет, он бы об этом сказал, — подал голос Петр.

— Что ж... Ну, может, среди нас есть тот, кто умеет управлять самолетом? Пилот?!

Люди стали оборачиваться, вопросительно глядя друг на друга. Находились в беспокойном ожидании, думали, что кто-то из них вот-вот выкрикнет: «Это я!» В самом деле вы-

крикнули, но не то, что все так сильно хотели услышать.

— Я врач. Не пилот, конечно, но вдруг смогу быть полезен?

Разговор не мог продолжаться вечно, и сразу после фразы мужчины, оказавшегося врачом, с левого борта самолета донесся шум. После нескольких щелчков в замочной скважине к людям заглянуло сразу два медведя. Один крупный, другой поменьше. Насколько Петр мог знать в общем о животных, их эмоции проявлялись на мордах так же, как и у людей на лицах. Он понимал: животным попросту не нужно и не хочется причинять им вред. Тем более медведям-ловцам крайне важно, чтобы никто из жертв не пострадал.

Крупный медведь остался стоять в проходе, внимательно оглядывая каждую клетку. Даже если бы он захотел, вряд ли без последствий ему бы удалось протиснуться в плотно заставленное помещение, не задев ни одного железного прута. В один миг его черные глаза остановились на Петре, по спине которого тотчас пробежали мурашки. Мало ли, может, зверь выбирал непригодных для людопарка людей? Петр не ручался, что именно эта особь усыпила его тогда в городе, но он, как и раньше, питал ко всем животным отвращение и неприязнь. И более чем к тем, благодаря которым он едва ли не лишился жизни. В то же время другой медведь, поменьше,

обходил людей, проверяя, все ли проснулись. Никто ничего не говорил, молодые сжались, практически втянули головы в плечи. Все напряженно ждали, когда животные уйдут и за ними захлопнется дверь.

После того как медведь удостоверился, что проснулись абсолютно все, он что-то громко прорычал, обращаясь к людям. Понять его в полной мере было невозможно. Петр предположил, что издаваемые звуки могли означать что-то вроде: «Я вижу, все проснулись. Сидите тихо и не пытайтесь сбежать! Я приду еще!» При этом зверь не спешил уходить. Прорычав что нужно, он продолжал стоять на том же месте. Петр было подумал, что весь оставшийся полет за ними будут следить. Успел от собственной мысли невольно испугаться. Все равно, понимают медведи человеческую речь или нет, люди, так или иначе, не смогут сбежать. Да что там сбежать! — совпади мысли Петра с реальностью, они даже руку просунуть между прутьев не сумеют, ведь за любым подозрительным действием последует грозный рык. Для медведей люди такие же хищники, с острым умом, которые способны на любые хитрости, лишь вы сбежать.

Прошло несколько весьма долгих минут, на протяжении которых казалось, будто самолет вымер. Был слышен лишь гул мотора, который перекрывал звуки дыхания. Ожидание сводило с ума, а учитывая, в какой ситуации они оказались

— ожидание чего-то плохого.

Чего они стоят? Зачем это делать? Время поджигает. Вдруг тот парень обманул, и нам осталось лететь часа два, если не меньше? Ну не могут же они стоять здесь весь путь?

Девочка, которую Петр запомнил лучше всех здесь присутствующих, в силу ее малого возраста, озвучила его мысли вслух. Обращаясь ко всем вместе и к каждому по отдельности.

Ей кто-то тихо ответил:

— Надеюсь, они скоро уйдут. По крайней мере, должны.

После этого короткого разговора один оставшийся медведь, что все это время стоял среди коробок, медленно, переваливаясь с ноги на ногу, зашагал к выходу. Возле дверного проема он остановился, черт знает что прорычал и ушел.

Люди еще несколько секунд молчали, опасаясь, что звери вернуться. Этого не случилось.

— Так на чем мы остановились? Есть среди нас пилоты? Или те, кто хотя бы раз управлял самолетом? — спросил мужчина. Все догадывались, какой план построил он в сво-

ей голове. Петр искренне желал и в самом деле хотел, чтобы в их группе оказался такой человек. Ничего сомнительного в идее мужчины не было, в самом деле, получиться могло. Петр имел лишь образные теории о том, откуда легче сбежать: из клетки, находясь уже на противоположной стороне планеты, или сейчас, пролетев половину пути в самолете. В любом случае был согласен на все, главное — снова увидеть жену.

Молчание продлилось несколько секунд. В сравнении с прежней тишиной это было не так долго.

— Это ухудшает нам задачу.

— Может, найдутся другие способы?

— Как вариант, — предложил Петр, — выбраться из клетки, взять парашют и выпрыгнуть. Правда, неизвестно, куда именно мы приземлимся, да и парашютов я здесь не вижу. Посмотрите, кто дальше сидит! Есть у вас что-то такое?

— Нет.

— Да здесь и дверей наружу-то нет. Скажете тоже — парашют! У нас тут, кроме клеток, в принципе нет ничего. Скорее всего, мы находимся в задней части самолета. Там, отку-

да вышли звери, есть еще одна комната, где как раз таки сидят животные, а уже за ней, насколько я могу предполагать, кабина управления.

— Откуда вы про все это знаете? — спросил парень, сидевший возле Петра. Произнес он это недоверчиво, но в глазах светилась надежда на то, что люди, окружавшие его, умные и опытные, решат все проблемы. — Ну как может быть по-другому? Думаете, самолет размером с дом?

Люди продолжали разговаривать, рассуждали между собой, что стоит сделать, не имея при этом ничего. Петр перестал слушать их со всем вниманием. Задумался о своем. Гениальная идея побега в голову ему не пришла, скорее, наоборот, он сильно усомнился в своих возможностях. Что я могу сделать? — спросил себя Петр. Какие еще есть варианты, а? Показалось ему или там, за клетками, что-то блеснуло? Парашют! — он наклонился к большой щели, зиявшей между неровными прутьями. Нет. Да и люди то же самое сказали. Это уже не ужас, это «нам конец». В самом деле, здесь нет абсолютно ничего, кроме клеток! Господи!!! Нет даже еды! Да бог с этим, ох, тут нет даже туалета!!! Где? Что делать в случае чего? Голова вскружилась от представления того, как он испортит порядок в своей и без того маленькой клетке. Ладно я, мужчина, могу и вне клетки, но как быть женщинам? Тем более маленьким детям? Петр сделал все, лишь

бы не дать своей фантазии разыграться. Не хотелось ему думать о постыдном и о том, что как минимум в приличном обществе не обсуждается. Сомневался, конечно, что, являясь экспонатом для животных, он все еще представлял собой класс «приличных», но тем не менее предпочел не прибегать к данной теме без необходимости.

К разговорам людей он возвращаться не спешил. Краем уха улавливал голоса, но не вникал в их суть. Тем более, судя по виду людей, выбиратья те не спешили. Тратили драгоценное время на обсуждение, что Петр не считал правильным. Сам же стал тщательно осматривать клетку, определять на глаз расстояние от каждого прута, изучать, где закреплены болты и болтаются ли хоть один из них. Если полагаться на собственный уровень развития глазомера, прутья располагались плюс-минус в десяти сантиметрах друг от друга, болты же были прикручены и сверху, и снизу. Пол и потолок клетки не представляли собой ничего существенного.

— Что вы делаете? — спросил кто-то. Петру потребовалось время, чтобы понять: обращались к нему.

Тут же оторвался от своего занятия по проверке каждого болта вручную — так он хотел понять, какой из них закручен слабее, чтобы, если представится такая возможность, своими силами открутить его.

— Хочу выбраться из клетки. Кстати, ни у кого не будет отвертки? Или чего-то острого?

— Да что вы! Сказали ведь уже, что нет ничего! — воскликнула женщина довольно неуважительным тоном.

— Зря вы так говорите. Или вам нравится сидеть взаперти? Что ж, я бы посмотрел на голую вас в окружении животных. К тому же, если выбраться для начала из клетки, шанс спастись выше. Как минимум нужные мысли приходят в голову на свободе. Или я не прав? — спросил Петр.

— Отчасти.

— Лично я сомневаюсь, что вы сумеете в одиночку что-то сделать, — послышался незнакомый голос. — Даже если вам удастся освободить всех, среди нас нет пилота. Самостоятельно мы не улетим. Хотя...

Петр плотно сжал губы. Ни один болт не был расхлябанным, все было плотно прикручено. Без отвертки или прочих инструментов выбраться не получится. Мало сказать, что он расстроился, да и слова людей показались ему оскорбительными. Как можно говорить такое? — подумал Петр. Как будто их полностью устраивает дальнейшая судьба. Точно им

нравится находиться в заточении. В крайнем случае можно взять животное-пилота в заложники, а там он сам поймет, что нужно делать.

— Да ладно. Все равно ничего не выйдет, — сквозь зубы процедил Петр.

— У меня есть зубочистка, — сказала девочка.

— Давай сюда. Вряд ли, конечно, получится, но попытаться стоит. Передайте, пожалуйста.

Петр высунулся из клетки насколько мог далеко и стал ждать. Смотрел, как несчастная зубочистка переходит из рук в руки, двигаясь к нему. Когда она дошла до Петра, тот окончательно убедился, что зубочистка ничем не поможет. С болтами она точно ничего не сделает, но вот с шурупами Петр готов был провести эксперимент. Приложил ее острым концом в центр проема и спустя минуту оставил это занятие.

— Я же говорила, — с грустью произнесла женщина.

Петр положил зубочистку в карман на всякий случай. Настроение его упало сильнее некуда, не хотелось больше ни с кем говорить и что-либо делать. Я не пойму, им что, действительно наплевать на свое будущее? Про зубочистку бы-

ло ясно с самого начала, но есть же другие острые предметы. Черт! Та же пряжка от ремня! Петр осмотрел штаны у всех, кто сидел подле него и дальше, насколько позволяло зрение.

— Ну а кроме зубочистки, есть у кого-то ремень, заколка или шпилька? — спросил он, практически ни на что не надеясь. Животные уже давно обошли их в развитии, но эти медведи оказались профессионалами своего дела. Знали же, что люди просто так сдаваться не собирались!

— Увы. Они все забрали. Все.

Вот! Звери прекрасно знали, что любые острые предметы нельзя оставлять у людей на руках. Мало ли чем это может обернуться. Раньше Петр ненавидел зверей и питал к ним стойкое презрение, теперь же восхищался мощью их ума. Невольно восхищался, но, впрочем, это уже не имело никакого значения.

Глава 3

Проводив Петра до двери, Света еще долго стояла в проходе, наблюдая за его быстрыми широкими шагами. Все верно, ведь он уже опаздывал, оттого из вида скрылся быстро. У нее не было никаких негативных предчувствий. Знала, что в этот день все будет так же, как и во все предыдущие. Даже солнечная погода, стоявшая по обыкновению на улице все месяцы лета и еще некоторое время сентября, не внесет разнообразия в их будни. Разве что после работы, если они оба будут не слишком уставшими, пойдут гулять в парк. Если устанут, то закончат обычным просмотром телевизора, так же как и всегда.

У Светы оставалось немного времени до своей работы, поэтому, сделав легкую уборку на кухонном столе и помыв тарелку со следами каши, вскоре она покинула дом. Быстро и легко прошла по лестничной клетке и вскоре оказалась на улице. Народу было мало, да и в любом случае сейчас не раннее утро, все, кто мог, уже давно ушли — кто в школу, кто на работу и в сады. По пути ей, безусловно, встречались люди, но она была слишком погружена в свои мысли, чтобы обращать на них внимание.

На работе она обычно никогда не отвлекала ни себя, ни

Петра беспричинными звонками или пустыми сообщениями в духе: «Как дела?» Спокойно составляла отчет, делала другие положенные дела. Вернулась Света раньше мужа и, отдохнув, принялась за приготовление ужина. До прихода Петра она то и делала, что следила за варящимся супом и прибиралась на столе. Хотела сделать ему что-то вроде сюрприза. Когда стрелки на часах начали приближаться к 19:00, она начала волноваться и стала периодически поглаживать в окно, устремляя свой взор на главную улицу, по которой должен был идти Петр. Если его задержали ненадолго, то с минуты на минуту она увидит темный силуэт вдалеке и рассказывающуюся из стороны в сторону сумку. Узнает его сразу по своеобразно-длинным шагам. Ужин был готов к его приходу, и все, что ей оставалось делать, так это ждать.

Много каких у нее было дел, например, вот уже две недели она не могла осилить роман, также можно было посмотреть передачу по телевизору, которая начиналась в семь, или обменяться свежими сплетнями с подругами. Из всего перечисленного она выбрала первое и, сидя под лампой за чтением, практически не обращала внимания на часы и происходящее вокруг. Но время шло: сперва пятнадцать минут, потом полчаса и час — Петра все не было. Света была не из тех, кто разводил панику при первой же возможности, но некоторая беспокойство поселилось в ее душе. Недолго думая, она набрала номер мужа и стала напряженно ждать, вслушива-

ясь в медленно тянущиеся гудки. Пальцы теребили несчастную страницу книги. После четырех гудков прозвучала фраза: «Абонент временно недоступен». Не то чтоб ее это насторожило, но страх начал медленно закрадываться в мозг. А учитывая, что недавно происходила ловля где-то на ближних улицах, обстановка становилась еще напряженнее. Никому бы не захотелось в один момент потерять своего мужа, причем так нелепо. Сидишь вечером перед телевизором — и видишь его в новостях. Ужас, да и только! Оттого Света не переставала набирать его номер. Из раза в раз слышала одну и ту же фразу автоответчика. Естественно, на ум могло прийти только одно рациональное объяснение. Людопарк был не редкостью, о нем все знали, и все его боялись. Шанс в него угодить был не слишком велик, но все же он был, и, если Петру так повезло, необходимо было что-то делать.

Снова подошла к окну. Нет, увы! Не шел. Даже не виднелся. В следующую секунду Света уже закрывала за собой дверь. Не стала надевать кофту, выскочила на улицу в одних джинсах и футболке. В современном мире глупо было надеяться на то, что его задержали на работе или он зашел в магазин — будь даже так, это явно бы не затянулось на час с лишним. Петр бы предупредил ее, на худой конец спросил, что нужно купить... Господи! Да как минимум он взял бы трубку! Она любила его и уж точно не пожелала бы ему того же, что случилось с некоторыми весьма невезучи-

ми людьми. Неужели их городу мало несчастий? Как бы ей сейчас хотелось, чтобы Петр действительно задержался на работе. Сложный отчет, скажем. Или пусть что-то другое задержало его: сбила машина, подвернулась нога — да все что угодно! Физический ущерб можно было исправить, врачей в мире много, а вот из людопарка не сбежать. Достаточно вспомнить слова президента о том, чтобы всегда быть начеку, если на улице нет людей — дела, скорее всего, плохи, и рядом рыскают животные. Пусть на случай чрезвычайной опасности на каждой дороге имелась сигнализация, теорию вероятности никто не отменял. Исходя из этого, Света задала себе вполне логичный вопрос: были ли люди утром? Сейчас, понятное дело, ей попадались семьи, дети и просто рабочие, но утром?

Света прекрасно знала дорогу до работы мужа, более того, даже знала, на каком этаже находится офис, и лично была знакома с некоторыми его коллегами. В случае если она не встретит Петра по дороге, ей придется задать пару вопросов знакомым.

Мало в чем Свете повезло. Мужа своего она не встретила, зато потом, когда она твердыми шагами направилась к зданию с офисами, из него вышел, насколько она знала, неплохой знакомый Петра. Тут же убрала телефон от уха — все равно прослушивание автоответчика ничего не изменит —

и подбежала к нему.

Разговор был коротким, прошел без тени улыбки, скорее, наоборот, на лице Светы отразилась гримаса ужаса тогда, когда она узнала, что Петр сегодня даже не появлялся на рабочем месте! Нет, совсем не это было самым страшным. Гораздо страшнее, ужаснее, но вполне поддающимся здравому смыслу являлось то, что будут передавать в сегодняшнем выпуске новостей. Какие чудовищные подробности она узнает! Ничего дурного не могло произойти, кроме всем известной причины. Никто его не спасет. Знай она даже, что с Петром действительно случилось нечто другое, например аппендицит или сердечный приступ, была твердо убеждена: испытала бы лишь десятую долю той самой мучительной неопределенности, какую вселили в нее слова собеседника. Была бы причина связана со здоровьем — ей бы позвонили из больницы, предупредили, сказали все, что требуется. Люди всегда боялись того парка, само название которого говорит обо всем. «Людопарк» — сколько тайн, сколько страданий и загадок. Все, что люди могли сделать, — это снимать его издалека и сверху. В остальных же случаях только говорят, кого, когда и где поймали, и больше ничего. Какой холодной и безрадостной была эта мысль посреди с первого взгляда прекрасного летнего вечера.

Не заставила себя долго ждать, сразу же позвонила в по-

лицию. Больше Света не думала ни о каких других вариантах, связанных с исчезновением Петра. Пусть то было нравственное преступление — в любом случае от беспокойства она не избавится до тех пор, пока не убедится, что Петр в целости и сохранности. Могла строить тысячи предположений на этот счет, но действия пока заключались в немногом. В ее положении не нужно придерживаться правила «трое суток», да и в любом другом тоже. Он был ее мужем! Любимым человеком! Каким бы ужасным ни было положение, на сон это было не похоже. К сожалению, если Петр действительно угодил в людопарк — ему не помогут. Оттуда, как известно, никто не возвращается. В груди у Светы с огромной скоростью билось сердце. Как только она заметила, что трубку сняли, без обиняков назвала свой адрес, как ее учили, только потом поведала причину:

— Мой муж пропал. Ушел на работу и не вернулся, теперь не берет трубку — срабатывает автоответчик. До офиса так и не дошел. При этом я не слышала, чтобы утром было оповещение о присутствии животных в районе.

— Сколько было времени?

— Около девяти, — ответила Света, питая небольшую надежду.

— Вы правильно заметили, что с радиостанцией были помехи. Сирена не сработала. В вашем районе пропало два человека. Пожалуйста, опишите внешность вашего мужа. Вероятно, он был одним из них, — голос человека на другой линии был до того спокойным, что Света невольно разозлилась. Как можно было относиться к этому так халатно, точно речь шла о чем-то малозначимом и глупом.

— Что значит не сработала? Вы хоть понимаете, что говорите о людской жизни! Из-за ваших погрешностей страдают невинные граждане, — проговорив все это, Света резко, совершенно не к месту, добавила внешнюю характеристику мужа. Сомнений не осталось — шанс, к сожалению, был велик.

— Да, он был одним из них. Судя по записям с камер, ваш муж угодил в яму. Помощь подоспела сразу, но животные скрылись. Мы не успели его спасти. Но будьте уверены, мы сделаем все возможное, чтобы такое впредь не повторилось.

Света побелела как полотно. Но что она могла ответить? Чем вполне логично могла возразить? Ничего они не сделают, конечно! От чрезмерного возбуждения Света мало что соображала. Та ниточка надежды, за которую она ухватилась, разорвалась, будто ее и не было. Само собой, попробовала сказать кое-что, как-то возразить. У них в мире была

система оповещений, были новости, но вот насчет людопарка правительство отказывалось предпринимать какие-либо действия. Полиция расследовала убийства, кражи, в целом занималась порядком в городе и всем прочим, но на этом все. У некоторых пропадали дети, жены, матери, и, оформив некоторые документы, они получали социальные выплаты в связи с «утратой», а толку?

Просмотр новостей не дал Свете новой информации. Ведущий начал с общего, рассказывал обо всем мире, лишь после этого сообщил о вспышке похищений в их городе. Назвал несколько точных мест, где зафиксировали пропажи за все последние дни. Назвал имена пропавших, не так много, как ожидала Света, но даже среди них прозвучало имя Петра. Далее показали минутную запись с квадрокоптера. Мало подробностей можно было разглядеть с этого расстояния. Это бесчисленное множество клеток она уже видела, дороги между ними, деревья — все было не ново. В этот раз она силилась разглядеть тех, кто сидит в этих открытых вольерах. Само собой, людопарк был больше той площади, что показывала им камера, но вдруг? Столько всего произошло, что Света не понимала, кого она хочет увидеть: своего мужа или кучу чужих людей. С одной стороны, если она увидит знакомое лицо, ее волнение, стресс и страх невозможно будет передать словами. Какой это будет удар по нервам! Она увидит голое тело многострадального человека, навечно запер-

того в одной из тысячи клеток, с абсолютно пустыми, пытающимися понять и осознать происходящее глазами. Каково будет мгновение, когда видишь человека, ради которого живешь на свете, сидящим где-то в тысячах километрах от тебя? Каково это — думать, сколько всего пережил Петр за какой-то жалкий день и сколько еще ему предстоит пережить в будущем? Кажется, мелочи, как там кормят, какие условия жизни и туалет — но нет! Все, вместе взятое, наносит большой урон человеческому здоровью и психике. Увидев его, Света переживает самые страшные муки из-за разрывающегося напополам от несправедливости сердца, какие мало кому, к счастью, удастся постичь. С другой стороны, если он не предстанет перед ней на экране, ее будут раздирать смутные сомнения. Не сможет в полной мере дать ответы на такие вопросы, как: все ли с ним хорошо? Сохранилось ли его здоровье? Точно ли он находится в людопарке или, не дай бог, что-то произошло по пути? Страшны были предположения, и Света предпочла, пока не пришло время, такого не затрагивать.

На записи нельзя было, пусть и приблизительно, увидеть лица. Но телосложение, позы и волосы были заметны. Была уверена, что характерную для Петра позу, его сгорбленную спину, она узнает из тысячи. За ту недолгую минуту, что показывали малую часть людопарка, Света старалась не проглядеть важного. В это жуткое мгновение, полное страхов и

нервов, она плохо понимала, что хотела бы видеть. Каким бы сильным ни являлось беспокойство, она до последнего надеялась, что Петр успел что-то сделать до того момента, как его схватили.

Последние несколько секунд перед тем, как на экране снова появился ведущий, взгляд силился зацепиться за знакомую фигурку. О Господи! Столько размытых бежевых пятен, отчего практически отпадала возможность зацепиться за знакомые детали, особенности фигуры. Ее предположения не оправдались. Лица оказались размыты еще больше, практически до неузнаваемости, глаза и того сильнее. Нет. Взгляд безуспешно переходил от одной фигуры к другой. Все были недостаточно похожими, со своими изъятиями и своими чертами. Все, кого она видела, здоровыми ей не казались: слишком худые, чересчур бледные... Их поведение и практически полная обездвиженность не вселяли в Свету уверенность, что с Петром, в отличие от увиденного ею, все будет хорошо, наоборот, в душу все больше и больше стали закрадываться самые что ни на есть чудовищные предположения и сомнения. Своим поведением и практически полной обездвиженностью, уверенностью, что с Петром, в отличие от них, все будет хорошо — не появлялась. В камеру никто не смотрел, даже головы не повернул в сторону неба. Только один человек поднялся на ноги. Света могла ошибаться, но вроде как тот не сводил глаз с объектива. Глупо было таить надеж-

ду, что именно этот шуплый парень — ее муж, будь так, она бы поняла это сразу. Не могла не видеть, как он поднимает руку и медленно машет в камеру. Эти потухшие вялые покачивания из стороны в сторону навели ее на самые мрачные мысли. Во всем облике этого незнакомого ей человека читалось отчаяние, даже расплывчатые черные круги-глаза не выказывали веры в лучшее, наоборот, заставляли содрогнуться. Должно быть, давно парень пробыл в людопарке. Об этом не то что свидетельствовало, буквально кричало все: его пошатывающиеся тонкие ноги, худое тело и выделявшиеся на нем ребра. Будь изображение более четким, она долго не сумела бы забыть тоскливое выражение безнадежности в этих остекленевших глазах. В тот пронизанный отчаянием миг Света могла лишь надеяться, что с ее мужем все хорошо. По крайней мере, относительно хорошо. Прошло слишком мало времени с момента так называемого «похищения», вероятно, он еще находится на пути в людопарк. По правде, Света не слишком интересовалась, как у животных все устроено, как именно они перевозят людей, эта информация, если и была кому-то известна, не выносилась на всеобщее обозрение. Все, что ей оставалось делать, это питать смутные сомнения, в какой точке земли находится Петр. Раз она не увидела его сегодня — вполне вероятно, увидит потом.

Мало было той короткой записи, что им показали, однако вполне хватило для того, чтобы понять весь ужас и сумасше-

ствие этого места.

Уже через секунду ведущий вновь начал монолог. Сказав пару слов о людопарке, о том, что сирена исправна и таких погрешностей больше не будет, выразил свое сожаление и посоветовал при малейшем подозрении воздержаться от прогулок на свежем воздухе. Далее, после небольшой паузы, перешел к новостям, не связанным с животными.

Смятению Светы не было предела. Вопросы, точно летучие мыши, вились в ее голове. Начиная с элементарного «и это все?», заканчивая «что мне теперь делать?». Нечего и говорить: последний вопрос был более чем актуален. Власти просто анонсировали факт пропажи, говорили, дескать, «люди добрые, примите это как должное». Как так можно? Ярость сменялась то грустью, то негодованием и непониманием. Чувства появлялись изнутри, из самого сердца, медленно распределялись по всему организму, вгрызаясь в плоть и разъедая органы. Ужасная опасность, которой подвергался не только Петр — все люди! — будто бы не имела никакого значения. Само собой, одно дело — пропал какой-нибудь негр за три тысячи километров от ее дома, которого она никогда не знала, никогда о нем не слышала и, кроме того, не видела, другое — пропал единственный родной тебе человек, с которым ты делила кров, прием пищи и даже постель. Какой ей толк от ежемесячных пособий и ком-

пенсаций государства? Второго такого мужа она не найдет. Сколько всего произошло, сколько непонятных ужасов... У нее ведь не было никаких предчувствий, интуиция не говорила ей, как показывают в некоторых фильмах, что сегодня должно произойти что-то плохое. Нет, все было как обычно. Вся неожиданность дня тяжелым грузом давила на ее худые плечи. Некоторой части ее сознания казалось, будто это сон, думалось, что реальность не может быть такой страшной. Ее муж исчез! Его больше нет! Сны бывают глубокими, более продолжительными, чем в большинстве случаев, с обилием ярких и запоминающихся отрывков. Как бы ей хотелось, чтобы все, окружавшее ее, оказалось одним из таких «ярких» ночных блужданий.

Трудно было свыкнуться с мыслью, принять дьявольскую правду, что с этого момента она будет жить одна. Света была не из тех женщин, которые, помимо мужа, имеют нескольких любовников и при любом удобном случае пользуются этим. Увы. Кроме Петра, по сути дела, она не общалась ни с кем. Могла утешать себя мыслью, что он умен, наверняка что-нибудь придумает, сбежит. Не нужно было знать математику, чтобы понять: шансы практически равны нулю. За всю историю случай такой был только один, чтобы из людопарка кто-то сбежал и возвращался домой невредимым или, самое малое, живым. Вундеркиндом Петр не был, гением его тоже было назвать сложно, обычным среднестатистическим

человеком — вполне, но не гением. Верить-то она могла во все что угодно и, скорее всего, до самой своей смерти будет тешить себя надеждой, что когда-нибудь власти решат проблемы с животными и людопарком. Либо Петр сбежит сам. Мучительно было вспоминать того махающего рукой парня, ведь первое, что пришло на ум при виде него — он просит о помощи. Молит о помощи! Если потом она также увидит Петра в похожем, не внушающем доверия облики, не удивится, впоследствии обнаружив на своей голове седые волосы. Она достаточно разобралась в ситуации, ни к чему больше было ни смотреть телевизор, ни думать о беспощадности судьбы.

Остаток дня Света провела в тупом смятении, не делая ничего полезного. Не могла найти себе место: то вновь читала книгу, то бесцельно ходила взад-вперед по квартире, то включала телевизор, проматывала каналы и снова выключала. Трудно было разобраться в своих чувствах, точно пустота, заполнявшая ее, никогда не уйдет. Предельно четко ощущалось одиночество от того, что она находилась одна в квартире. В слишком большой квартире для того, чтобы жить в ней одной. Только с кем-то. Петр никогда не уезжал от нее, по сути, это будет первая ночь без мужа. Возможно, то было состояние шока: ее мозг силился осмыслить сложившиеся обстоятельства. Быстро это не происходит. Все еще не могла примириться с тем, что это не сон, что все странности и

ужасы происходят наяву, едва ли не у нее под носом. Одна. Одна во всей квартире. Из кухни не доносилось привычного чавканья, стиральная машинка не работала. Неужели день может быть настолько неудачным?

Пока еще оставалось время, Света попыталась позвонить всем, кто мог ей хоть чем-то помочь. Петр не брал трубку. Друзья с его работы говорили одно и то же — сочувствуем, не видели, новости смотрели, нам очень жаль. Но все эти однообразные слова ничего не могли ей дать, абсолютно не было от них толку. Что еще ей сделать? На всякий случай, питая слабую, пошатнувшуюся надежду, снова позвонила в полицию. Мало соображала, зачем это делает, но человек в безвыходном положении будет пробовать все, пойдет на самые страшные риски, лишь бы как-то облегчить ситуацию. Вот и она так же. В ее случае, правда, рисков не было, но наиболее вероятно, от звонков ничего не изменится, ей скажут то же самое, что говорили и раньше.

Пока в трубке раздавались гудки, Света чувствовала несказанную взволнованность и беспокойство. Час уже был поздний, но вскоре на другом конце раздался знакомый голос, который вновь не сказал ничего вразумительного и ясного. Как и прежние люди, которым она звонила, полицейский ничем ей не помог, посоветовал ждать, успокоиться и надеяться на лучшее. От несправедливости и глупости всех

сказанных ей однотипных фраз хотелось надломить свой внутренний барьер и заорать прямо в трубку что есть мочи: да как ты смеешь так говорить?! Мне не нужна твоя липовая поддержка! Пусть мне лучше мужа вернут! Любимого! Единственного! Чем эти копеечные выплаты, с которыми даже в магазин нормально не сходишь!!! Света была уверена, что в минуту приступа этих мыслей выглядела далеко не лучшим образом. Сердце мало того, что больно сжималось, мало того, что уходило в пятки и колотилось с огромной до безумия скоростью, — на части разрывалось! Отчаяние ее достигло той степени неопределенности, отчего едва ли не лопались вены, а кровь брызгала во все стороны, заставляя кричать. В каком-то смысле окружающее в самом деле походило на сон, да только таковым не являлось.

Вряд ли сегодня ей удастся уснуть быстро, тем не менее в ванную она пошла в назначенный срок. В этом плане не хотела отказываться от своего привычного течения жизни, даже если в ней не будет присутствовать Петр. День из-за этого не должен прерываться, как это ни прискорбно, завтра она также пойдет на работу, будет крайне невнимательной, станет много думать о своем, и показатель эффективности снизится в разы. Кто знает, может, начальник по такому случаю даст ей выходной — это было бы весьма кстати.

Под струями воды Света простояла дольше, чем когда-ли-

бо. Мысли все лезли и лезли в голову, хаотично всплывая перед мысленным взором. Очередные воспоминания, раздумья о будущем и том, как она будет жить без Петра, насколько же тяжело в финансовом и духовном плане ей будет в первое время, отягощали ее. Не переставала корить себя за то, что так неправильно поступила утром, отправив мужа на работу. Как она не догадалась? Отчего же не сработала ее интуиция?

Она не замечала ничего вокруг, целиком заполнила голову выдуманными образами. Периодически возвращалась в сознание, но то были минутные возвращения, ничего собой не представлявшие. Мой Петр. Неужели он не заметил, когда шел совершенно один по улице? Неужели ничего не понял? Не хочу думать, каково ему сейчас. Наверняка нелегко. Как он себя чувствует? Где он находится в данный момент? Я так по нему скучаю. Не переживу, если с ним что-то случится. Хотя, как показывает практика, об этом я узнаю не сразу. В новостях такое не показывают. Если о пропажах людей еще говорят, то о том, как проходит жизнь невинных взаперти, упорно умалчивают. Что с ним успели сделать животные? Неспроста ведь о таком не говорят. Боже, спаси и сохрани! Впрочем, бессмысленно строить предложения насчет человека, которого она почти со сто процентной вероятностью больше не увидит никогда.

Больше двух слезинок не пролилось из глаз даже глубокой ночью, когда ничто не отвлекало ее от раздумий. Шок был слишком велик, непонятность ситуации вызывала противоречивые мысли, друг с другом не связанные, ненависть на правительство жгла, а к животным и того хуже. Вот она и металась с боку на бок, силясь унять разбушевавшийся мозг, заставить его успокоиться. В полудремоте протягивала вперед руку — хотела схватиться за мужа, обнять его теплое тело, но то и дело ощущала подле себя пустоту. Так и заснула. Ни с чем. Одна. В угрюмом одиночестве.

Глава 4

Полет проходил небыстро. Люди в предоставленное им свободное время не бездействовали, проверяли все, что у них осталось из вещей. Не только в потайных карманах, но и на самих себе. Теперь, следуя за Петром, все мужчины и женщины, что имели хоть какое-то представление о раскручивании гаек и болтов, старались выкрутить хотя бы одну. Надежды сам Петр не оставлял. Спрашивал, есть ли погрешности в устройстве клетки, получилось ли что-то, но каждый раз получал отрицательный ответ. Медведи к ним продолжали периодически заходить. Люди, слышав звук открывающейся двери, делали вид, что ничем подозрительным не заняты, как бы странно это ни звучало. В первые разы Петр ожидал, что за этим что-то последует, но кроме проверки, на месте ли все, звери ничего не делали.

Петр пребывал в полной дезориентации во времени. Имел смутные представления о том, сколько они уже летят. Быть может, два часа, может, три или четыре. Знал хорошо только то, что ему жутко хотелось есть.

Петр, только подумав о еде, тут же пожалел о своих мыслях. Живот от светло тупой боли, злость и ненависть к животным так и начали пробираться в голову, заполняя все ее

пространство. В самом деле, до полного изнеможения осталось совсем немного. Люди стали реже что-то обсуждать, говорили в основном самые активные, у которых еще остались силы: человека три-четыре. Петр забыл, когда перестал слушать их. Все голоса и посторонний шум смешались для него в один не прекращаемый гул. Он уже не сидел, схватившись обеими руками за прутья, а лежал. Лежал в точно такой же позе, в которой и проснулся. Глаза его были закрыты, в голове же постоянно всплывали разные образы. То ему казалось, что он находится посреди урагана и этот шум — сильные порывы ветра. То он был убежден, что самолет вовсе не собственность людопарка, а путеводитель в мир иной. Дескать, так отправляют только в ад — запертым в клетке, голодным, уставшим и обезвоженным. Иной раз его мысли становились более приличными, и тогда он представлял свою любимую жену. Вот Света стоит на кухне, готовит суп и параллельно рассказывает о событиях сегодняшнего дня. Например, о том, какую интересную книгу она сегодня прочла: «расследование загадочного убийства в лесу». С беспощадной преувеличенностью Петр видел ее улыбку, когда она поворачивала назад голову, чтобы увидеть его реакцию. При воспоминании об этом в груди тут же потеплело. Все же он очень беспокоился о ней. По новостям уже наверняка передавали о ловле людей на нашей улице. Да и не только на нашей. Интересно, она видела там меня? Скорее всего. Света ведь никогда не пропускает вечерние выпуски. Более того, она долж-

на была позвонить мне, как обычно, в обед. Наверняка уже тогда начала беспокоиться. Ну а теперь? Как она там? Петр вновь представил, что его жена сидит на диване, еле сдерживая слезы. Думает, выбежать ли ей во двор в поисках мужа или же послушаться предупреждения и остаться дома. Мало ли, вдруг звери все еще там? Затем она подбегает к окну и пытается высмотреть ту улицу, на которой, по ее мнению или предчувствию, забрали Петра. Как Света волнуется! Когда мы с ней снова увидимся? И увидимся ли вообще? Только не это, как она будет без меня? Даже хуже, как я смогу прожить остаток жизни в похожей на эту клетке? Боже мой!!! Петр с трудом отогнал мысли о том, что и так предстояло увидеть своими глазами уже через сколько-то времени. Всем и без того было понятно, что из самолета, не имея при себе пилота или хотя бы каких-то элементарных вещей, сбежать практически невозможно. С крупными медведями голыми руками непосильно справиться и трем среднестатистическим мужчинам, не говоря уже о том, чтобы одолеть десять или более таких тварей. Вот Петра и терзали сомнения.

Размышление его прервали животные. Петр поначалу не хотел даже глаз открывать, думая, что они, как обычно, постоят несколько минут без действий и уйдут. Но девочка, голос которой Петр запомнил без труда, громко спросила:

— Что это у них? Еда! Нас наконец-то покормят!!! Ура!

Я умираю с голоду.

— Подожди, — сказал ей кто-то. — Не торопи события. Зверям нельзя так просто доверять.

Петр с трудом приподнялся на руках. Упадок его сил был замечен сразу же, особенно он проявлялся в поведении и нежелании что-либо делать. Однако, стоило ему увидеть в лапах медведей что-то отдаленно напоминающее кашу в пластиковых тарелках, безумный провал пустоты покинул его мозг. Живот заурчал, и, впрочем, не у него одного. Хотелось Петру только одного — поскорее поесть. Неважно что! Готов был проглотить хоть собственный палец, главное — чем-то наполнить свой разбушевавшийся желудок и перестать чувствовать этот невыносимый голод. Петр следил, как четверо медведей, разделившись, ставят к каждой клетке одну тарелку и один стакан воды. Так и ходили они от одной клетки к другой, периодически возвращаясь за новыми порциями. При этом что-то говорили, издавали слабое рычание. Это могло означать «приятного аппетита» или что-то вроде того. По правде, Петр не был уверен, что животные могут желать им добра и тем более приятного аппетита.

Когда кашу поставили возле его клетки, он был так голоден, что не стал утруждать себя мыслями о возможных ловушках в еде, — мало ли, что там может быть, снотворное

или другая дрянь, — Петр сразу протянул руки меж прутьев и начал есть. Расстояние их было идеально рассчитано для подобных событий, поэтому трудностей при поедании он не испытывал. Более того, какой бы плохой каша ни была на вид, какой бы недоваренной или переваренной, Петру она показалась лучшей из того, что он когда-либо пробовал. И не ему одному, люди вокруг ели ее с таким аппетитом и рвением, каких они не замечали у себя никогда. Петр ел и запивал это водой. Опять же не задумывался о ее происхождении, просто пил со всей жадностью. С непривычки для организма насытился он быстро. Как-никак не ел целый день.

Закончив, Петр допил оставшуюся воду. Чувствовал себя лучше в физическом плане, но его моральное состояние не исправит ничто. Он облокотился о край клетки, спиной чувствуя каждый прут. Еще большая усталость накатила на него. Теперь он нисколько не сомневался в том, что сейчас ночь, ибо в сон его клонило так, как не клонило никогда. После плотного обеда нужно хорошо поспать, — подумал он. Несколько минут Петр смотрел на людей, как они доедали. Увидел, что одна женщина поделилась частью своей каши с девочкой. Та выразила слова благодарности, и впервые с момента, как Петр увидел этого щуплого ребенка, ее щеки озарил румянец. Некоторых долгожданная еда сморила сразу, некоторые еще сидели, как он. Вскоре и Петр лег на бок, закинув руку под голову, а вторую приложив к груди. Не про-

шло и минуты, как он уснул. Последней его мыслью было: сейчас я усну, а проснусь уже в своем доме. Надеюсь, так и случится. Очень надеюсь.

Спал он крепко. Настолько, что сон его можно было легко спутать с обмороком. Дыхание было глубоким, Петр не реагировал на внешние шумы. Ничто не в силах было разбудить его. Не слышал он, как двигали его клетку, не слышал, как приземлился самолет. Прележал он на боку все те главные для жизни часы, которые — проснись он вовремя, — могли неплохо способствовать ему при побеге. Но не он один оказался в таком положении. Снотворное действительно было в каше или что-то вроде него, оттого животные без лишних забот распределили всех по местам, девочек в одну сторону людопарка, мальчиков в другую. Взрослых в одну клетку, детей — в другую. И самое главное — не больше двух человек вместе, насколько помнил Петр из телепередач.

Ощущение жизни и бытия нескоро вернулось к Петру. Сперва восстановился ритм его сердца, из медленного перешел в учащенный и даже вполне быстрый, затем муть сознания рассеялась. Мысли посетили его не мгновенно, первые несколько секунд обходился он без каких-либо эмоций. После ужасная догадка посетила разум, и на него нашел безумный страх. Петр вспомнил все! Нет! Он и помнил все! Такое нельзя забыть, то, что перевернуло его жизнь. Не хо-

тел открывать глаза, мучительно противился тому, что грозило предстать перед ним. Какой толщины окажется решетка? Она находится под открытым небом или в помещении? Пока еще был шанс внушить себе, что все хорошо, и шанс в самом деле убедить себя в этом, пусть минуту, но почувствовать счастье — Петр готов был это сделать. Отказывался думать, что его час пришел, что судьба уже всем распорядилась без учета мнения самого человека. Боялся своего первого взгляда. Лучше вечность видеть перед собой черноту, чем ощущать запах неволи и полную покорность зверям. Как не хотелось ему терять ту маленькую надежду, скрывающуюся за закрытыми глазами, желал как можно дольше продлить ощущение свободы и незнания будущего окружения. Прекрасно он помнил самолет, как сидел в клетке долгие часы и, судя по воспоминаниям, существование его лишилось всякого смысла. Чувствовал, что лежит на чем-то твердом и холодном, вроде каменного пола. Слышал шум ветра и даже немного ощущал его. Именно это, как ни странно, пробудило в нем хоть и небольшое, но любопытство.

Раскрыл глаза он не резко. Очень медленно приоткрыл сперва правый, потом левый. Показалась маленькая щелка, затем он окончательно решился и распахнул их полностью. Не хотел ничего видеть и уж тем более не питал надежд. Любая картина была бы для него неожиданной и вызвала бы свои эмоции. Сердце его вострепелось, дыхание участи-

лось. Находился он на улице, лежал солдатиком прямо по центру клетки. Лежал абсолютно без одежды, без каких-либо намеков на свою прежнюю приличную жизнь с работой и женой. Головной боли на удивление не чувствовал, скорее, наоборот, отлично выспался и был полон сил. Поднявшись на локтях, он осмотрел окрестности. От необычности увиденного едва ли не лишился чувств. В груди что-то укололо, Петр с трудом удержался в сознании. Первое, на что он обратил внимание — это чистое предрассветное небо. Не голубое, темно-синий цвет над ним плавно переходил в светлый. Горизонта он не видел. Клетка! Вот что было самым страшным — окружающая его череда прутьев, которая в особом, характерном для мироустройства животных порядке уходила вверх, туда, куда едва ли мог достать непривыкший к темноте человеческий глаз. Высота клетки, настолько Петр мог предположить, опираясь на свойственное ему внутреннее чутье и простую логику, была внушительной, больше трех метров явно, и с острыми шипами на концах. Прутья располагались близко друг другу, но таким продуманным образом, чтобы через них нельзя было просунуть руку, а разглядеть экспонат — с легкостью! Место, в какое он, к своему несчастью, угодил, напоминало среднюю комнату многоквартирного дома, ни больше, ни меньше. Пол каменный, серый и мозаичный, как Петр и предполагал. Ближе к решетке имелся какой-то кувшин, одна большая тарелка и таз. Он не стал строить догадок, что это могло быть: кухня или что-то

вроде ванной. Повернулся в противоположную сторону — увидел в полу в самом углу дырку. Что-то вроде выгребной ямы. Помимо этого, то, что забавляло его не меньше — матрас. Не старый и отнюдь не грязный, но маленький по высоте, даже не матрас, а подстилка какая-то. Такое могли изобрести только животные.

Петр поднялся на ноги и прошел сперва к так называемой «кухне». Идти, не чувствуя на себе давления от одежды, было крайне непривычно. Старался не обращать на это внимания — в конце концов, зверям было интереснее смотреть не на одежду, а на строение людских тел. Кухней назвать это место оказалось сложно. В кувшине была вода, дай бог, питьевая. Тарелка же оказалась пуста, вероятнее всего, именно сюда ему будут класть еду. Столовых приборов он не увидел, скорее всего, вилки и ножи были здесь просто не предусмотрены. Насчет второго был согласен, их даже в людской тюрьме нет, но вот насчет ложек с вилками остался озадачен. Тазик, что стоял неподалеку, вероятно, предназначался для умывания. В нем также была вода. Петр наклонился и потрогал ее кончиками пальцев. Не теплая, но и не ледяная. Затем, почувствовав признаки жажды, опробовал воду из кувшина на вкус. Пресная, точно ее налили из ближайшего озера. Это обстоятельство не вызвало у него беспокойства — от животных нельзя было ожидать ничего другого. Далее Петр прошел чуть правее, остановился у матраса.

Тут же задался вопросом, почему его самого не положили на подстилку, а оставили мерзнуть на холодном полу, с большим риском подхватить простуду. Невозможно было почувствовать более сильную ненависть к животным, чем ту, что посетила его в этот момент. Кое-как заставил себя мыслить трезво, не опираясь на чувства. Чтобы отвлечься, продолжил исследовать дыру, в которую угодил. Ощупал матрас, сперва встав на него ногами. Лежать попробовал в разных позах. Твердый, даже слишком твердый для человека с больной спиной. Петр же такими проблемами не обладал, а не понравилось ему то, что он чувствовал матрас всем телом, особенно некомфортно было лежать на животе и на спине. Для него, обычно спавшего в футболке и шортах, а в холодные зимние ночи в пижаме, было крайне непривычно. Здесь же, на южной стороне планеты, было слишком жарко, чтобы спать в домашнем, но находиться голым — перебор. Мурашки побежали по телу от представления о том, что животные будут глядеть на две конкретные точки тела, о которых несложно догадаться.

Не спешил он слезать с матраса, решил проверить, не завалялось ли внутри него чего-нибудь. Пока вокруг не было никого и предрассветная мгла не позволяла хорошо рассмотреть окрестности (хотя животные вполне могли обладать ночным зрением, но в тот момент Петр не думал об этом), он стал тщательно осматривать и щупать мягкие углы.

Мало ли, найдет где-нибудь прорез, в котором лежит что-то, что может неплохо помочь ему при побеге. Скажем, острый камень, нож, пистолет, да хоть что! При этом свои поиски проводил весьма хитрым образом: лежа на боку, подогнув под себя одну руку, а второй как бы невзначай, спросонья водил подле себя. При этом прикрывал ее телом, чтобы с первого взгляда было ничего заметно. Ворошил все, что только можно, через мелкий прорез в складках старался отыскать хоть какой-то оставшийся от прошлого несчастного человека предмет. При более детальном прощупывании каждой мелочи внутренностей у него все более и более складывалось весьма неприятное ощущение о консистенции неведомого вещества, на котором он лежал, — по-другому нельзя было назвать эти жесткие, мало чем напоминающие обычный пух клочки ткани. Не вытерпев и вытащив наружу несколько таких кусков, Петр был в плохом смысле поражен: несколько секунд, опираясь лишь на свое посредственное в предутренней полутьме зрение, пытался взглянуть в невообразимую массу ткани разных цветов, пока не осознал — черт возьми, это была людская одежда! Самая разная, начиная с маленького, размером с ноготь, куска пиджака, заканчивая джинсой. Причем явно специально измельченной, порезанной на мелкие куски и все же слишком, чересчур твердой для лежа на ней. С трудом справившись с резким наплывом эмоций и отвращением, вызванным навязчивыми мыслями в духе: Господи, эта одежда принадлежит людям! А что, если и

мой костюм сейчас тоже измельчен и запихнут в какой-нибудь матрас!!! Может ли быть такое, что куски одежды, на которых я сейчас лежу, сохранились еще с давних времен и принадлежат уже мертвым людям? Наверняка. Петр, преодолевая неприкрытую мерзость чувств, не отступился от своей цели. Вернул куски ткани обратно и далее стал залезать внутрь все глубже и глубже. Даже если ничего не найдет, вполне сможет сам туда что-то спрятать. Проверил сторону матраса он довольно посредственно — все-таки сбегать в первый день, не зная об этом месте ровным счетом ничего, было глупо. Отбрасывать эту идею Петр не стал, в конце концов, оставались другие стороны, которые он на данный момент осознанно оставил без проверки. Считал, что интерьер клетки был не столь важен, гораздо большую опасность представляло ее окружение. Пока мысли его путались, а рассудок находился в легком омрачении от перемены климата и места, серьезные дела следовало отложить на потом.

Петр тяжело поднялся и еще раз обвел глазами клетку. Как и предполагал, ничего более не вызывало интереса, кроме выгребной ямы. Чувствовал легкое отвращение и уязвленную гордость, когда глядел внутрь этой бесконечной черноты. Запах оттуда шел что надо! Вопреки тому безумная идея поразила его: что, если пробежать через эту дыру? Прорыть подземный ход до того места, когда людопарк перестанет быть в поле зрения. Тут же возник встречный вопрос, как

это сделать? В фильмах про побеги все было тоже непросто. Помнится, в одном из них заключенный тридцать лет рыл себе подобный туннель. Идею эту Петр не отмел, но убрал в «ящик запасных».

Помимо выгребной ямы и всего прочего, первое, на что он обратил внимание, — это пейзаж. Не содержимое клетки, а то, что скрывалось за ее пределами. Петр подошел к ее краю и просунул, как мог, пальцы меж прутьев. После двух слоев решеток шла новая клетка. За ней, насколько он мог доверять своему зрению, шли еще несколько. С другой стороны — точно так же. Спереди же, где как раз таки и находились тарелки с едой, было что-то вроде смотровой площадки. Большая улица, усаженная по периметру деревьями, разветвлялась в три небольшие дорожки по бокам и прямо. Были также указатели, написанное на которых Петр не разглядел, да и все равно бы не понял. Особого интереса это не представляло, скорее несло в себе страх уязвимости. Сейчас тут никого нет, но как только наступит час открытия, сюда повалят животные, туристические группы и просто любители. С первого взгляда казалось, что он один в этом мире, в этой вселенной! Тишина отчасти подталкивала на такие мысли. Все потому, что соседи его в правой и левой клетках еще спали. Один на матрасе, второй на голом полу. Справа лежал боком тот самый парень, которого Петр помнил с самолета. Слева еще какой-то незнакомый ему мужчина. Поду-

мал разбудить парня справа, расспросить о том, что тот помнит, какие имеет предположения и догадки. Мало ли, вдруг получится что-то предпринять совместными усилиями? Хотя с самолетом это никак не сработало, но все же. У Петра не возникло вопросов, почему их распределили по одному человеку в каждую клетку. Для людей жить вдвоем было бы очень удобно, ни о каком размножении не могло быть и речи. Так туннель для побега рылся бы в два раза быстрее. Однако в таком случае забор зверям пришлось бы строить в два раза выше, ведь один мог посадить другого или, что не менее важно, двое мужчин вполне могли убить одного медведя, приложив некоторые усилия. Для животных — простой логический ход. Хотя в самолете этот простой логический ход так и не сработал, — подумал Петр.

— Эй, парень! Как там тебя... проснись! — позвал его Петр. Имел представление, какое сильное снотворное животные им подсыпали, поскольку сам не заметил, как его перевозили с самолета сюда, не заметил, как с него стаскивали одежду, и прочие шумы. С первого раза разбудить его не удалось, он даже не пошевелился.

— Парень!! Проснись ты!

Тот зашевелился и открыл глаза. Петр не торопил его, сразу набрасываться с вопросами не стал. Знал, что осознание

и привыкание к обстановке займут несколько минут, как и у него. Сперва сосед тупо оглядывался и, увидев голого Петра, прислонившего к клетке, тут же отвернулся.

— Ох, Боже мой. Меня все-таки поймали, — ни одно слово более не сорвалось с его обветренных губ.

Петр не переставая следил за движениями соседа. Сам не знал точной причины, зачем это делает. Зато отлично чувствовал, что, даже если постарается, не сможет уснуть. Пребывал в слишком возбужденном состоянии: новое место, другой климат, нахождение взаперти — все это до неприличия сказывалось на нем. Попросту не знал, чем еще себя занять. В темноте мало что удавалось разглядеть хорошо, особенно для мелких деталей или того, что там вдалеке, нужен был свет. Ближе познакомиться с соседом, который в будущем может сослужить неплохую службу, — было лучшим и выгодным решением для Петра. Это будет легче, ведь они были как-никак связаны совместным полетом на самолете. С другим мужчиной на противоположной стороне Петр также обязательно заговорит, но чуть позже. Любая взаимовыручка и помощь были важны. Оттого Петр не спешил расспрашивать соседа о его происхождении, давал свыкнуться с новой обстановкой, все проверить, как некогда сделал и он. Подозревал, что выглядел глупо, стоя около решетки без единого элемента одежды, но с серьезным взглядом. Хотя такой

вид вполне оправдан его ужасным положением. Даже думать не хотел, каково женщинам или детям. Какой это удар по самолюбию! Каждый день от ста животных приходят посмотреть на тебя. Вот почему сбежать было необходимо как можно скорее, дабы психическому здоровью обстановка не нанесла серьезный удар, который, к сожалению, рано или поздно, но был неизбежен.

— Сколько прошло времени? — недоумевал парень, обходя по периметру клетку. — И почему я вообще лежал на голом полу, а не тут? — он пнул ногой матрас и вопросительно посмотрел на Петра.

— Я проснулся несколько минут назад. Вряд ли знаю больше тебя. И скоро начнет светать. Недолго ты спал. Часов семь, наверно.

Парень прошел чуть дальше и, увидев воду в кувшине, тут же накинулся на нее. Пил так долго и непрерывно, что Петр стал отсчитывать секунды до опустошения кувшина. Наконец парень закончил.

— Это для еды? — указал он на большую тарелку, которую и тарелкой было назвать сложно. — Где же столовые приборы? Хотя ты прав, другого ожидать было от них нельзя.

Несмотря на продолжительный полет на самолете в соседних друг от друга клетках и разговор сейчас, они все еще не знали имен друг друга. Про себя Петр называл его попростому «сосед» или «парень». Подозревал, что тот называл его точно так же, разве что Петр на молодого уже не смахивал. Разговор этот он затеял не для того, чтобы сразу начать думать над побегом или действовать. Совсем нет. Это после. Для начала необходимо было установить минимальные связи, узнать друг друга поближе, обменяться мнениями и предположениями. Точно так же он потом поступит и с человеком по другую сторону. Думал, что объединиться со всеми людьми или хотя бы с большинством будет отличной идеей. Мало ли чем помогут союзники? Быть может, отвлекут зверей или передадут через клетку какую-нибудь важную вещь. Если у Петра в матрасе и не было предмета прошлых жителей, это не означает, что его не было и у других. Насколько он мог видеть, людей в ряд располагалось немало. Смутно предполагал, какое размещение клеток в людопарке. Не так уж он увлекался передачами по телевизору. Знал только самое основное и только потому, что животные были главной проблемой всего человечества. Например то, что люди здесь распределены по определенным категориям. Одна часть людопарка — для женщин, другая — детская зона, третья — мужская. Также были отдельные клетки с чернокожими и азиатами. Их необычная внешность ценилась в животном мире, в особенности с самых недавних пор. Да и

среди людей такие встречались редко.

Петр вернулся из размышлений в реальный мир. Парень закончил осмотр и сейчас стоял перед ним. Разделяли их только прутья.

— Как тебя зовут? — спросил Петр.

— Александр. Тебя, насколько я помню, Петр?

— Именно. — Ему, ослабленному телом и духом, был необходим этот легкий разговор. — Ты очень молод. Сколько тебе лет?

— Поверь, я выгляжу не на свой возраст. У меня есть жена и ребенок. Мальчику всего годик. Ума не приложу, как меня поймали. Я был уверен, это невозможно, к тому же я довольно внимательный человек. Были случаи, когда из людопарка сбегали? Не знаешь?

— Да откуда мне знать? Наверно. Не проверял.

— Не представляю, как можно прожить тут всю жизнь. Первое мнение мое не положительное. Оно и понятно, никому тут не понравится. Повезло еще, что мы находимся на улице, — сказал Александр, глядя на красивое светлеющее

небо.

— Я не представляю, каково тут детям. Считай, без родителей, еще и в такой обстановке. Я скучаю по своей жене. Ее зовут Света. Причем скучаю, мягко сказано. Какой, кстати, шанс, что нас спасут люди? — спросил Петр. Долгожданное общение с подобным себе да отсутствие в зоне видимости животных поднимали ему настроение. Чувство одиночества стало понемногу отступать. Подозревал, что с минуты на минуту начнут просыпаться другие, а когда солнце озарит собой всю местность, а не только какую-то ее часть, ему лично придется увидеть зверей, работающих здесь. Мог предположить, сколько прошло времени. Даже если он и ошибался, что пролетели не сутки, а больше, будний день так и оставался будним днем. А в этом плане система жизни животных не отличалась от их.

— Увы. Для них попадание сюда автоматически считается пропажей человека.

— И это ужасно. Я пробовал бежать, еще когда был шанс. Я рассказывал это, помнишь? Но повредил ногу, а сейчас, по-моему, с ней все хорошо. Удивительно, но как только я оказался здесь, то и думать забыл о боли в лодыжке, — честно сказал Петр.

— В этом нет ничего странного. Я тоже, знаешь ли, не могу думать ни о чем другом, кроме своего заточения. Повезло хоть, что тут есть соседи. Иначе можно было бы сойти с ума от одиночества. Можем разговаривать, едой делиться. Впрочем, все что угодно!

Петр целиком проникся этой беседой. Она помогла заглушить эту бесконечную тревожность в сердце, почувствовать себя в относительном спокойствии. Знание о том, что страдал не он один, помогало держаться на ногах в эту трудную минуту. Пусть звучало это грубо и даже зло, но так в самом деле и было. Он немного рассказал о себе, о своей жене и подробно о том, как попал сюда. Предпочитал больше слушать, нежели рассказывать самому. Пока не спешил сообщать своему новообретенному другу о планах насчет побега. Сам едва ли что знал. Из разговора оказалось, что Александр жил в соседнем от него районе и имел весьма дружелюбный характер.

Беседовали они до тех пор, пока небо не сделалось ярко-голубым. К тому моменту люди начали просыпаться и отовсюду слышались незамысловатые, брошенные вскользь фразы, большинство из которых Петр не мог разобрать, да и не видел в этом особого смысла. Затем проснулся его сосед с другой стороны. Тогда Александр неожиданно прервал рассказ о своей семье и строго, но тихо сказал:

— Если мы хотим сбежать, нужно действовать сообща. Всеми клетками. Но для начала можно просто познакомиться с соседями. Иди. Твой уже проснулся, вон! Бегает с удивленными глазами. Объясни ему. Скоро и мой проснется, я думаю.

На том они разошлись. Только сейчас Петр заметил, как сильно хочет есть. Разговор помог ему отвлечься от всех бед, а красивый рассвет едва ли не забыть обо всем. Сейчас, когда настало мгновение уединения, он прислушался к своему телу. В самом деле, живот практически прилипал к ребрам. Казалось, Петр не ел не просто один день, а целый месяц! Дошел ровно до того состояния, когда голодная смерть грозила подобраться слишком близко. Не отказался бы сейчас и от каши, той, что была в самолете. Отпил немного воды из кувшина. Не знал, какой тут распорядок, не знал, когда им нальют новую, поэтому, пока мог, экономил ее. Та не сильно помогла, но другого было не дано. Остается ждать завтрака, если таковой у них имелся. Хотелось Петру верить, что животные додумались кормить людей как минимум три раза в день. Только чем нас будут кормить? — подумал он. Точно не мясом. Скорее всего, какие-нибудь овощи, фрукты, рис. Но тем не менее, где они возьмут белок? Для организма он необходим. Тут Петра пронзила невероятная догадка, от которой кровь застыла в жилах, а мозг отказывался

воспринимать это как правдивую информацию. Для любых слоев общества это было просто невообразимо. Два варианта — либо будут кормить рыбой, либо человечиной. Животные, конечно, тоже умеют мыслить и наверняка имеют хоть малейшее представление о каннибализме, но у них есть свои предрассудки. Остается верить, что они не считают азиатов и европейцев разными видами и не скормят одних другим. Тошнота подкатила к горлу, когда он представил кусок людского мяса на своей тарелке. Еще и без отсутствия столовых приборов. Он бы даже не притронулся к нему. Голодал бы столько, сколько придется. Хотя, наверно, при сильном голоде не задумываешься, что ешь. Пихаешь в рот все подряд, как в войну. Но до такой низости я не опускаюсь. Скорее кину в медведя — или кто там ко мне зайдет — тарелкой. Постараюсь попасть в морду. В любом случае надеюсь до этого не дойдет. Лучше рыба.

Петр поставил кувшин так же, как он стоял до этого, и поднялся в полный рост. Все еще не привык видеть себя без одежды. Мимолетно подумал, что надо что-то сделать, скажем, оторвать от матраса кусок ткани и соорудить что-то вроде юбки. Но не сейчас. Предполагал, опираясь на свою интуицию, что до открытия людопарка осталось меньше получаса. Скоро сюда придут зрители, а затем начнут запускать посетителей. Люди просыпались, а значит, нужно было установить связи как можно скорее. Соседом по дру-

гую сторону оказался одного возраста с ним, может на год-два старше, мужчина. С трудом Петру удавалось бороться с отвращением при виде этих голых тел. Не только своих соседей, но и очертания других, дальних. Слава богу, он не видел женщин. Иначе долго не смог бы избавиться от чувства вины перед Светой. С мужчинами же еще можно было смириться. Был уверен, что после двадцатилетнего заточения уже все равно, кто во что одет и одет ли вообще. Все же думал, что к этому он не придет.

Глава 5

Знакомство с новым соседом не вызвало трудностей. Изначально Петр думал, что тот был с ним в самолете, пусть лицо его не было таким знакомым. А оказалось, что он жил в людопарке уже достаточно много лет. Имя его было просто и легко для запоминания — Леонид. Сказал, что для знакомых — Леня. Разговор с ним куда сильнее заинтересовал Петра, ведь в отличие от Александра тот имел опыт и знал обо всех тонкостях поведения животных, о весьма несчастливой здешней жизни, распорядке дня, а также, что не менее важно и любопытно, кто жил в клетке до Петра и что с ним стало.

— Получается, сейчас время семь утра?

— Да. В этих краях светает рано. Примерно через полчаса откроется людопарк, а еду нам должны принести сейчас.

— Завтрак? Слава богу, он тут все-таки есть.

— Конечно, а ты как думал? — удивился Леня. — Кормят, правда, скудно.

— Что дают? — только успел спросить Петр, как увидел

сквозь прутья приближающихся животных. Они выходили со стороны центральной дороги, приближаясь прямо к их ряду клеток. На сей раз то были не медведи, нет! Обезьяны. Всего их было восемь, разных видов. Две гориллы, должно быть, выполняли роль охраны, на случай если что-то пойдет не так. Шимпанзе, обычные мартышки и еще какие-то, о чьем подвиде Петр не имел ни малейшего понятия. Для него, обычного человека, привыкшего к людям, городам и социуму, было крайне необычно видеть такое. Причем первый раз в жизни! Не считая непосредственно фотографий. Думал, гориллы меньше, но уж никак не в человеческий рост. С собой они катили что-то вроде ящика на колесах, в котором, судя по всему, должна быть еда. Впрочем, если подумать, странным это не являлось. В его случае, как новенькому, было просто необходимо удивляться всему, что только представало перед взором. Все же обезьяны подходили для роли работников людопарка идеально. Ведь по строению своего тела напоминали почти самих людей. В их цепких лапах легко удерживалась еда, маленькие вещи и многое другое. Они обладали умом и кое в чем приходились им родственниками. Именно эта абсурдность и придавала людопарку ужасную славу. Если тут есть завтраки, то будут и обеды, и ужины. Людопарк давно существует, наверняка всякие исследования и, не дай бог, эксперименты подтвердили, что для поддержания здоровья нужно минимум три приема пищи за день. Хорошо, дай они на завтрак овощи. Бананы те

же. На обед уже можно крупное, то бишь рыбу, — рассуждал про себя Петр. При этом чувствовал, как урчит его живот. Каша также неплохая. Даже та, в самолете.

— Дают разное. Могут орехи, могут фрукты, крупы. Два раза в неделю белок. Так что не надейся, что будешь есть рыбу каждый день. Все новенькие отчего-то так думают. Впрочем, увидишь, — подтвердил его мысли Ленья.

Петр от неожиданности вскинул брови. Его знания о людопарке были не просто минимальными, они не превышали единицы в десятибалльной шкале. В любом случае у него в запасе было много времени, чтобы узнать обо всем поподробнее. Петр ничего своему соседу не ответил. Интерес к разговору не пропал, но все же куда большей долей его внимания завладели обезьяны. Любопытно было узнать, как они будут заносить в клетку еду, да и будут ли заходить внутрь вообще. Вдруг у них есть специальная длинная острая палка, на которую они станут насаживать по одному фрукты, затем просовывать внутрь точно над тарелкой? Петр покачал головой, отмечая этот вариант. Ширина прутьев не позволяла просунуть руку, не говоря уже, например, о крупном апельсине. Тем не менее сомнения не переставали одолевать его. Занял уже свое привычное положение у края. Хотел увидеть, как это происходит, поэтому не сводил глаз с обезьян, которые двинулись в левую от него сторону.

— Они всегда оттуда начинают. С левой стороны клеток десять, с правой примерно так же. Много времени это не займет, учитывая, что мы с тобой находимся посередине.

Петр попробовал наклониться, насколько позволяла узость пространства между прутьями.

— Так ты не увидишь. Они все расположены в ряд. Можешь даже не пытаться. Посиди лучше, у тебя сегодня трудный день, — посоветовал Ленья.

— Почему же трудный? — спросил Петр, и без того догадываясь, что тот имел в виду. Мол, первый день, самый необычный, все кажется не таким, каким должно быть. Происходящее ломает все представление о логике и здравом смысле. Более того, Петр ни разу вживую не видел животных, кроме того злосчастного эпизода с мучителями-медведями, а сегодня среди посетителей его глазам предстанут разные виды — от грызунов до кошек, собак и крупных хищников.

— Не отвечай, — бросил он своему соседу, но остался стоять у края клетки.

Как и говорил Ленья, ничего интересного за пределами

клетки не происходило. Когда животные станут подходить к Петру, он услышит, но пока нечего попросту растрачивать свои силы, тем более что стоять в одном положении не имело смысла. Петр подошел к матрасу и сел на него. Сел под пристальным взором своих соседей. Вот она — главная проблема людопарка. Петр подозревал об этом еще давно, строя различные теории и предположения, теперь же, столкнувшись с суровой реальностью лицом к лицу, не мог не поразиться ее очевидности. Вроде и находишься в заточении, но при этом не в одиночестве. Повсюду окружают люди, даже в туалет нормально не сходишь. Пока он оттягивал этот момент, но вскоре придется столкнуться с постыдным лицом к лицу. Сейчас и думать не хотел, как будет просить своих новообретенных друзей отвернуться. Но, с другой стороны, все привыкают, и я привыкну, — от этих мыслей у Петра пробежали мурашки. Хорошо еще, что парк пока не открылся. Своеобразно мог он представить, как будут выглядеть посетители, как проходят экскурсии, и тому подобное. К тому же сомневался, что его дилетантские представления больше чем на пятьдесят процентов совпадут с реальностью. В любом случае время все покажет.

Петр предполагал, как ему будут заносить еду — через эту запертую на два железных замка и одну длинную цепь дверь. Конечно, он заметил ее раньше, но не обратил должного внимания. Не стал прерывать свой покой, продолжил

сидеть на матрасе в каком-то оцепенении. Никуда толком не глядел, взгляд выражал полную задумчивость, отрешенность от внешнего мира. Не вслушивался в посторонние звуки, не присматривался к действиям соседей и не вглядывался в даль прямой улицы людопарка. Петр думал о том, в какую прескверную ситуацию угодил. Такое можно пожелать только самому заклятому и ненавистному врагу. Сейчас Петр был полон чрезмерного возбуждения, все для него было ново и в некоторой степени даже любопытно. С одной стороны — да, он в ловушке до конца своих дней, с другой — он ни разу не видел подобного скопления самых разнообразных животных едва ли не у себя под носом, расстояние до которых, сомневался, что будет достигать и метра, оттого был не прочь позволить себе то маленькое удовольствие и хоть раз прикоснуться к мягкой шкуре какого-либо не особого опасного зверя, наконец, как можно подробнее прочесть взглядом всех посетителей людопарка до единого с утра и до самого вечера. С самим собой был согласен, что это будет неплохим развлечением. Правда, на несколько дней, — добавил он мысленно. Если ты находишься тут годами, плевать хочется на все происходящее.

Петр вернулся в реальность, когда к клетке Александра приблизились обезьяны. Тогда он позабыл все, о чем думал до этого, и целиком вовлек себя во власть любопытного зрелища. Есть он хотел знатно, оттого в тот момент, должно

быть, походил на белое худое полотно. К счастью, зеркал тут не было. Предпочел бы не видеть, как сильно изменился за прошедшее время, слезы мужчинам были ни к чему. Петр неотрывно смотрел, как самая маленькая обезьянка — мар-тышка поворачивает ключ в замке, затем начинает разматывать цепь вместе с гориллой. Выглядело это крайне необычно, до того необычно, что Петр стал сомневаться в собственном здравомыслии. Уж не во сне ли все это происходит? Та некачественная съемка, что велась с квадрокоптера, не передавала происходящее в полной мере. Для удостоверения в реальности события Петр слегка ущипнул себя за руку. Признаться, лучше бы это в самом деле было сном. Самым страшным, кошмарнее всего, что было прежде, но сном. Реакция Александра на происходящее была более чем адекватной и ожидаемой. Он отошел в противоположный угол клетки и следил за их действиями. В случае чего бежать ему будет некуда, но расстояние от них, а в особенности от горилл, которые едва ли не с человека ростом, стоит соблюдать. Процесс накладывания в тарелку завтрака происходил таким образом: гориллы действительно служили как охранники, а более мелкие виды обезьян следили за едой. Из ящика они вытащили два банана и одно яблоко. Затем долили немного воды в кувшин из подобия шланга. Работали обезьяны слаженно, потому закончили быстро, данное не заняло и минуты. Их лапы были ловкими, глаза сосредоточенными, в то время как гориллы выполняли совсем другую функцию. Одна

из них встала возле выхода из клетки, закрывая проход своим крепким массивным телом, другая же находилась в двух метрах от Александра, не сводя с него зорких черных глаз. В таком положении не то что бежать к выходу страшно — шевелиться страшно! Хотя охранники, как ни странно, вели себя цивилизованно и умно. Если Александр делал шаги в сторону и другие подобные движения, гориллы не дергались, не вздрагивали и в целом держались спокойно. Оно и понятно — они в разы были сильнее и крупнее, маленький Александр в сравнении с ними выглядел ничтожно щуплым. Это было несопоставимо ни с чем, что только видел Петр за всю свою жизнь, абсолютно не напоминало и тюрьмы. Впечатления, которые он испытывал в качестве наблюдателя, были неизгладимы. Правильно сказала Леня: в первый день он будет удивляться каждой мелочи, и ему будет не до побега.

Когда пришли к Петру, он не спешил вставать с матраса. Не видел в этом необходимости. Не планировал в первый день портить свою репутацию новичка, и сразу показывать себя с плохой стороны, как буйного, агрессивного человека. Ведь если будет так, Свету он не увидит никогда. Не знал, есть ли тут специальные клетки-изоляторы — вероятно, самых опасных они усыпляют сразу. Петр не планировал становиться таким и заканчивать свою жизнь в первый же день. Поэтому просто сидел, совершенно спокойно, не делая резких движений. Боялся — само собой, но такое чувство было

характерно для всех людей.

Петр впервые видел горилл так близко, а учитывая, что он сидел, они во всей своей величине возвышались над ним, оттого невольно начинаешь сглатывать слюну, а глаза начинают округляться. Вблизи они смотрелись еще больше, чем казались на расстоянии. Скорее всего, потом Петр привыкнет, но в ближайшие несколько дней будет вжимать голову в плечи при виде любых крупных животных. Всю ту минуту, что гориллы стояли перед ним, казалось, что их массивные тела в любой миг бросятся на беззащитного Петра. Даже наедине с медведями у него не возникало такого дурного предчувствия! Он успокаивал себя мыслями о том, что для них он такой же «другой». Но если смотреть прямо, Петр физически не справится со всеми ними: голый, безоружный, не имеющий даже элементарной вилки или ложки, что он может им сделать? Точно не нанести серьезный ущерб. А попытки без четкого планирования и определенной цели не приведут ни к чему хорошему.

Когда обезьяны покинули его клетку, Петр вздохнул с облегчением. Одна из самых странных и напряженных минут в его жизни прошла, только этому он и был рад. Все еще трудно было примириться с мыслью, что для животных он экспонат. Предпочел бы никогда их не видеть, что уж говорить о другом! Предпочел бы вернуться домой к жене, сделать вид,

что ничего не было, и продолжить свое мирное существование на средней работе с небольшим достатком. Эти мысли желанные, но недостижимые.

Петр отогнал их прочь, сейчас они были ни к чему. Разве что заставляли чувствовать острую тоску по дому в глубине души. Вместо этого он подошел к зоне кухни, оценивая взглядом принесенное. Ничего не изменилось, все то же, что принесли Александру.

— Попробуй банан, — донесся Ленин голос. — Они не такие, как у нас. Тут настоящие, без всякой химии.

— Понятное дело, — отозвался Петр, наклоняясь к еде. — Хоть какой-то плюс от этого места.

Он так долго не ел, что больше ничего не сказал и не стал ничего слушать. Как можно быстрее полил фрукты водой из кувшина, заодно сполоснув и свои руки, затем жадно набросился на банан. Кожуру кинул куда попало и больше не вспоминал о ней. Вкус показался ему без преувеличений божественным. После той каши со снотворным это было неудивительно. Леня оказался прав — таких бананов у них нет, и хоть за это он мог сказать животным спасибо. Съел его в два счета. Яблоко же оказалось ничем не примечательным, вкусным, но обычным. Петр ел, периодически запивая фрукты

водой. С каждым новым куском слабость его уходила, живот переставал прилипать к ребрам, а самочувствие заметно улучшилось. Конечно, счастливым он не стал, учитывая обстановку, но то были лишь моральные трудности.

После себя Петр оставил частично на тарелке, частично на полу огрызок от яблока и кожуру от бананов. Думал, животные заберут это в следующий свой приход. Как бы сильно он ни был рад завтраку, подозревал, что до обеда этого явно не хватит, а, в особенности, вполне осознанно беря в расчет отсутствие опыта и незнание всех звериных порядков, не желал принимать на себя все ужасы истощения в первый же день.

Петр вновь упал на так называемую кровать. Что мне теперь делать? Как тут жить, не изнывая от скуки, изо дня в день, из часа в час? Решительно не знал, что предпринять дальше. О чем думать, что делать, за что хвататься? Тут нет телевизора, нет телефона, домашних обязанностей и зарплаты. Сплошное безделье без права выхода отсюда. Об этом, наверно, уже писали в новостях. Наверняка Света все поняла. Но даже если так, чем она мне поможет?

Этот вопрос остался без ответа. Немного прошло времени после его раздумий, уже вскоре людопарк открылся для посетителей. Понял он это не сам, помог ему отличный слух.

Где-то вдалеке раздавались разные звуки: от кошачьего мяуканья до лая и просто рычания. Кто бы мог подумать, что звери так хотят посмотреть на новых людей. Был уверен, такого ажиотажа в простые дни не было. Вполне ясно представлял кучу животных у входа — самых разных видов, от крупных до малышей. Спешил увидеть это собственными глазами. В каком-то плане даже не животные придут посмотреть на него, а он будет разглядывать их. Ради такого случая Петр поднялся с матраса и прошел к краю клетки. Сильно ему не нравилось это место, еще сильнее скучал он по дому, но оставаться равнодушным к тому, что в следующую минуту увидит первый раз в своей жизни — задача была непосильная. Голоса все приближались, но до зоны видимости пока не дошли. Шаги он также слышал, но они были другими, более кроткими и едва слышными. Со временем голоса разъединились. Теперь лай был почти не слышен, а мяуканье стало более четким. Также был и другой звук, источник которого Петр так и не распознал. Всякое животное могло его издавать, даже крокодил. Тем не менее скоро он в этом убедится лично, на собственном опыте.

Петр ходил по клетке взад-вперед, на всякий случай сложив руки в замок перед собой. Как любое здравомыслящее существо, испытывал неловкость перед тем, сколько животных увидят его в том, в чем мать родила. Когда-нибудь он придумает, что с этим делать и чем прикрыться. Пока же в

этом не было особой необходимости, к тому же его сосед Ленья, похоже, привык к своему голому обличию и ничуть этого не стеснялся. Петр делал по три шага в одну сторону и по три в другую до того момента, пока наконец не заметил фигуры. Подойдя ближе к краю клетки, он понял — ошибаться точно не мог, — к нему приближалась семья кошачьих. Причем семья в прямом смысле. Пятеро кошек одной породы, насколько помнил, сиамские. Самый большой кот, должно быть глава семейства, шел спереди, за ним тянулись остальные четверо. Мама-кошка, по габаритам напоминающая кота, и еще трое котят. Совсем маленьких, которым не исполнилось и года. Они восторженно замерли перед представшим многообразием клеток. Их любопытные глаза мимолетно прошли по всем их обитателям, начиная с левого конца, ненадолго остановились на Петре и ускользнули дальше. Свой обход они начали с правого от Петра конца. Поочередно подходили вплотную то к одной, то к другой клетке, что-то говоря друг другу на своем языке. Недолго они были одними посетителями, вскоре пришли другие, и людопарк оживился. Видел он и собак, и одиночек-лошадей, и хомяков, видел семьи из нескольких зверей или друзей. Распознавал он их с легкостью, о которой прежде не задумывался: если животных примерно одной расцветки было больше трех, скорее всего, они семья, если меньше и разной породы — друзья. Например, вот! Вдалеке шли два кота. Один рыжий и с пушистой длинной шерстью, другой серый и хорошо причесанный.

Петр, прикрывая двумя руками низ живота, глядел сквозь прутья. Пока никто из них не приблизился достаточно близко к его клетке. К тому же в любой момент, как только пожелает, он мог отойти на другой ее конец, сесть на матрас и закрыться ото всех. Однако он этого делать не хотел. Ему было интересно, станут ли животные кормить их, просовывать лапы сквозь прутья. По данному поводу в голову пришла весьма забавная мысль: почему бы не схватить чью-нибудь лапу? Схватить основательно, возможно, даже укусить. Резко и быстро. Мысль эта не показалась ему заманчивой, скорее неприличной и отталкивающей. Он пока что еще имел совесть и каплю человечности. Хотя животным вряд ли есть дело до моих чувств. Им лишь бы посмотреть на внешний облик. И они уж тем более не имеют ни малейшего представления о благородстве. Петр намеренно прервал ход своих мыслей, ибо заметил приближающихся к нему собак. Они не подошли сразу к Петру. Останавливались поочередно у каждой клетки. Лению они осматривали недолго, всего несколько секунд. Тот не вызвал у них ничего, кроме скуки и раздражения, ведь он не обращал на пришедших никакого внимания, лежал на матрасе, свернувшись таким образом, чтобы не было видно лица. С Петром же такого не произошло. В отличие от Лени, рассматривали его долго. Поначалу Петр растерялся, когда увидел четырех собак, в упор глядящих на него. Пусть их и разделяли прутья, все равно он чувствовал

себя «не в своей тарелке». Он отступил назад на несколько шагов и продолжил стоять, практически не двигаясь. Решительно не знал, что предпринять дальше, точно ступор накрыл его. Собаки смотрели на него, постоянно ожидая чего-то. Наконец одна из них отошла к клетке Александра, за ней последовали и другие. Петр расслабился: он ожидал всего от первого раза, но только не того, что произошло. Никогда не ощущал себя так неловко, оттого искренне был рад, что эти ужасные минуты закончились. Как он и предполагал, здесь будет невозможно чувствовать себя в одиночестве. Постоянно под наблюдением, видишь других через прутья, слышишь голоса людей через три клетки отсюда и все в таком роде. Пусть и издалека, он увидел все, что хотел увидеть, всех животных всех видов. Благодаря тому, что произошло, самолюбие Петра изрядно пострадало.

Мельком глянув наружу, он не без горечи заметил неподалеку очередных животных. Если в прошлый раз это были собаки все на один манер, то на этот раз что ни на есть крупные хищники. Пантеры, кажется. Должно быть, они вышли с другой стороны, ибо раньше Петр не видел их среди прочих посетителей. Дабы предотвратить возможное неловкое созерцание, Петр сел на матрас. Не исключал того, что на ближайшее время тот станет его единственным пристанищем и местом, где он хоть немного, но будет чувствовать себя в уединении. Именно это ему было нужно. Все обдумать,

стать неприметным, но одновременно уметь наблюдать и делать определенные выводы.

Пантеры разглядывали его с неподдельным восхищением. Что-то подобное передавалось через их глаза и витало в атмосфере. Их было две, взгляд этот едва ли не насквозь пронзал Петра. Не смог удержаться от искушения и легкой иронии — помахал им рукой. Хотел увидеть реакцию после такого действия, узнать, как они отреагируют? Это ведь было не запрещено, да и вряд ли для людей тут существовали правила. Не понял толком настроения животных. Вероятно, те удивились, поскольку переглянулись в ту же секунду, а затем снова продолжили наблюдение. Петр ухмыльнулся, но больше ничего делать в их пользу не стал. Сидел и ждал, когда они уйдут. Не слишком сильно ему нравились животные, неплохо, конечно, было бросить на них мимолетный взгляд, на секунду поразиться окраске и размерам, но на этом все. В ином случае это не доставляло нужного удовольствия и точно не смогло бы скрасить день. Он уже слышал, как к клетке подходили другие звери, но не пошевелил даже пальцем. Тихо наблюдал за тем, как посторонились пантеры, давая место курицам с петухами. Комичность происходящих с ним обстоятельств поразила Петра, отчего тот практически не поверил собственным глазам. Протер их, только потом снова взглянул вперед. Точно! — животные, во всей своей красе. Искушение было настолько сильным и непре-

одолимым, а учитывая свойственный ему юмор, он не смог отказать себе в этом, пусть и один раз, но он должен был!..

— Привет! — крикнул Петр, но уже не задевая руку.
— Если вы поможете мне выбраться отсюда, вы будете лучшими животными мире.

Петр увидел, как его сосед Александр удивленно приподнял брови и как легкая улыбка озарила его лицо. Даже Леня не поленился повернуть голову в его сторону. Затем раздались легкие смешки.

— Да я шучу, — тут же бросил Петр.

Животные не обладали такой мимикой, какая свойственна людям, но все же их поведение говорило о том, что они ничего не поняли. Тем не менее продолжили свое наблюдение еще на несколько минут. Быть может, слов они и не понимали, зато отлично слышали и видели. Мало того, что Петр был им интересен как представитель расы людей, как обладатель мужского пола, вдобавок он еще и неплохо развлекал наблюдателей. Настолько неплохо, что одна курица ненадолго просунула крыло в клетку. Послышался характерный для них звук, и та сразу отпрянула подальше. Петр улыбнулся. Это невообразимо! — подумал он. Как эти существа, которые толком не имеют мозга, смогли подчинить се-

бе людей? Страшно представить, что половина планеты старается быть как можно аккуратнее, только чтобы не попасться на глаза зверям. Живут в бесконечном страхе перед людопарком, пусть и неспроста. Петр не стал озвучивать свои мысли вслух. Практически не сомневался в том, что его соседи, да и в принципе все остальные, думают точно так же.

Петр вскоре ушел в свои мысли и не заметил, как животные по одному отошли от него. Даже не к клетке Александра, а намного дальше. Скоро придут еще, — обреченно сказал он себе. — Никакого уединения. Хотя, быть может, если лечь, абстрагироваться, закрыть руками глаза, то можно представить себя в одиночестве. Ненадолго, но можно. Петр лег на тот край, где не было тени. Теперь взгляд падал точно на небо: красивое, голубое без единого облака. Яркое светящийся огонек солнца приятно припекал кожу. Так и сгореть недолго. Жаль, не взял с собой крем от загара. Не стоит ожидать, что тут их раздают бесплатно, да и платно тоже. Так Петр и лежал, зажмурив глаза, наслаждаясь теплом. Думал, на улице явно больше тридцати градусов, ведь даже без одежды чувствовал стекающие по лицу капли пота. В своих северных краях он такого не встретит, а здесь, на этом континенте, учитывая сбор всех животных вместе, холода практически не наступают. Петр примерно прикидывал, сколько ему придется прожить за прутьями клетки, естественно опираясь на опыт прошлых людей. В новостях толком не гово-

рилось о том, что тут происходит с людьми. Ясно одно — они пропадали и не возвращались. Нетрудно догадаться, что пойманные живут здесь до самой старости, пока тело не становится дряблым, кожа не свисает и волосы не седеют. Вероятно, тогда их усыпляют, и на смену приходят молодые. До меня здесь тоже жили, — подумал Петр. И что с ним сейчас? Что стало с его мертвым телом? Предпочел не давать ответа на этот вопрос. Не хотелось морочить голову бессмысленными предположениями. Ужаса в его жизни и так было достаточно.

Краем уха Петр слышал приближающихся животных. Понял это только по тихому порывиванию, точно шедший разговаривал сам с собой, ибо ступали животные, причем все до единого, почти не издавая шума. Думал, никогда ему не избавиться от доли изумления, которое посещает его при виде нового животного. В этот раз увидел он одного льва. Тот подолгу не задерживался возле клеток, после нескольких секунд осмотра шел дальше, точно увиденное ему порядком надоело. Хвост его равномерно покачивался, золотая грива поразила Петра, так же как хищный взгляд и массивные ноги. После льва Петр не стал никого дожидаться и вновь повернул голову вверх. Руки для большего удобства закинул под голову. Ожидал посмотреть на птиц, услышать пение воробьев, но ничего такого не было. Просто небо, совершенно безжизненное. Оттого Петр думал о своем, дал волю вооб-

ражению, чтобы как-то скоротать время. Время от времени поворачивал голову к главной дороге, смотрел прямо в глаза постоянно сменявшимся животным. Успел увидеть многих, в том числе бегемотов, волков, кабанов и так далее. Настолько было много видов, что некоторых он встречал впервые в жизни. Ни разу не видел ни на картинках, ни по телевизору. Однако большую часть узнавал сразу. Помимо этого, развлечений у него не было. Ни компьютера, ни телефона, ни простой одежды, книги или журнала. Часы тянулись нескончаемо долго. Привык, что время летело с бешеной скоростью — только пришел на работу, а уже вечер. Здесь же все было наоборот. Петр точно попал не на другой конец планеты, а в другую реальность. Скажем, в параллельную вселенную. По ощущениям минуты проходили, как часы, а часы — как дни. Сколько прошло времени с завтрака? Господи, тут даже часов нет! Явно ведь не больше часа. Имел такую особенность организма, как быстрый обмен веществ, так что уже сейчас он начал хотеть есть. Подумал, что не стоило съедать сразу все, надо было оставить дольку яблока на потом. Как раз на такой случай. К сожалению, было поздно.

Все время до обеда Петр только и ощущал, что скуку. Животные по-прежнему приходили — стабильно каждые минут десять кто-то проходил возле его клетки. Старался занять себя чем-то, чтобы хоть как-то перестать чувствовать уязвимость и стыд перед «зрителями». Разговаривал с Леней,

узнавал, как тут все проходит. Каково же было его удивление и одновременно отвращение от нового знания о том, что зрители примерно каждую неделю моют людей. Спросив, как это происходит, получил такой ответ:

— Ты знаешь, все не так сложно. Они приносят тебе большой таз теплой воды, почти горячей, и кусок мыла. Сами же ничего не делают, разве что следят, чтобы ты не сбежал. Первое время мне было очень неловко, ты только представь их пристальный взгляд на себе во время мытья!

Также Петр услышал от него много такого, о чем догадался сам. Например, что кормят тут ровно три раза в день. Также то — и это не менее важно, — что климат здесь не всегда приятный и теплый. Дожди бывали редко, однако зимы также присутствовали. Правда, температура не опускалась ниже десяти градусов. Чтобы люди не замерзали, уже на двадцати их заводят в закрытые вольеры.

— Так что тебе повезло, что ты попал сюда летом. Тебе не придется видеть это ужасное помещение еще месяца четыре.

Больше ничего нового Петр не узнал. Разговаривали они дальше обо всем на свете, общих тем было много, учитывая, какая проблема их объединяет. Петр поделился своими ощущениями, сказал, что не может представить челове-

ка, которому бы нравилось тут находиться. Сказал, что завтрака ему было мало, спросил, скоро ли будет обед и какой он. Ответ его не сильно впечатлил, оказалось, ждать надо было долго. Все же общение помогло ему справиться с беспокойством, почувствовать себя свежо и бодро. Помимо этого перекинулся парой слов с Александром, передал ему все, что узнал от Лени, спросил, какое у того настроение, хорошее ли впечатление? Их с Петром мысли и даже слова предельно точно совпадали. Глупо говорить, что сосед его тоже думает бежать, поскольку все здесь, так или иначе, мечтают об одном. Для себя решил, что когда-нибудь спросит у Лени, были ли тут случаи побега. Абсолютно в данном не сомневался, но ему надо было знать, как все проходило и что стало со сбежавшими. Сюрпризов для себя не хотел, а любопытство его все нарастало. Сейчас, однако же, было не время. Кто знает, вдруг животные все-таки их понимают?

Помимо общения, лежания и хождения от одного края клетки к другому, Петр не делал ничего полезного. Чувствовал некоторую вину из-за того, что в свой рабочий день он занимался тем, что изучал многообразие животных. Уже привык к звуку будильника, подъему в восемь утра и ежедневной работе с девяти до шести вечера, отчего сейчас безделье угнетало его, как никогда. Пусть он не упускал случая и глядел на животных так, будто это он посетитель в парке. Но теперь уже ни носорог, ни даже слон не удивляли его так

сильно, как в первый раз. С каждым новым животным он все больше убеждался в скуке и однообразии происходящего. Иногда, конечно, животные казались необычными благодаря своему своеобразному поведению. Например, одна лисица не сводила с Петра глаз на протяжении будто бы вечности. В остальном же Петра ничто не впечатляло.

Когда солнце стало припекать и капли пота начали стекать по лицу, пришло время обеда. Голод был ощутим, но после самолета это он мог перетерпеть с легкостью. На главной улице, помимо зевак, он заметил зрителей. Ту же процессию из нескольких мелких обезьян и горилл. Также — что не укрылось от зоркого глаза Петра — посетителей стало больше. Все хотели посмотреть на то, как будут кормить людей. В этом он был с ними согласен: зрелище стоящее. Снова он в полной мере ощутил то долгое ожидание. Чтобы как-то скоротать время, из разговора с Леной он выяснил, что на обед обычно дают рыбу с гарниром.

— Гарнир — это либо рис, либо пюре, может быть крупа. Не слишком вкусно, но что поделать? Все же я бы не сказал, что скудно. Вполне себе неплохо. Единственное, я мечтаю о кофе. Столько лет его не пил! Но здесь наливают только воду.

Процесс подачи обеда проходил точно так же, как зав-

трак, единственное, за людьми наблюдало более десятка животных. Когда дошла очередь до Петра, он по-прежнему не знал, как себя лучше вести. На всякий случай просто сел на матрас и ждал, пока ему разложат еду. Совсем не хотелось вызывать агрессию у горилл своим, по законам людопарка, неподобающим поведением. Встал он только после того, как обезьяны вновь закрыли клетку. Подошел к тарелке, но на этот раз не стал жадно набрасываться на содержимое. Быстро оценил, что ему принесли: кусок жареной рыбы, рис и одно яблоко. Столовых приборов, как обычно, не было. Не желая есть так близко к краю клетки, когда на тебя возведено больше трех пар любопытных глаз, он подвинул тарелку к матрасу и только тогда начал утолять голод. Странно было брать жирную рыбу голыми руками, пусть он их и сполоснул водой — этого все равно было мало. Как и раньше, на голодный желудок вкус возрос в несколько раз. Как бы ни было ему противно есть руками — точно животные не они, а он, — ел не останавливаясь. Некоторые куски от неудобства валялись изо рта, проскальзывали меж пальцев. Должен заметить, на вкус рыба разительно отличалась от той, что он покупал в магазине и лично жарил. Она была более склизкой и речной. Чувствовалось — настоящая, только-только выловленная и приготовленная. Что говорить, Петр такого не ожидал и остался в восторге. Радовался, что нашел нечто хорошее среди всей аморальности людопарка. Могли ведь кормить плохо, почему нет? Со всей серьезностью ожидал это-

го и теперь благодарил Бога за долю отпущенного ему в эти моменты счастья. Да, есть без столовых приборов — трудное занятие, негигиеничное и неправильное не то что для приличного общества, а в принципе для всех людей. Но с этим он уже ничего не в силах сделать.

Когда он закончил есть, большинство животных разошлось, и Петр вновь был предоставлен самому себе. Кое-как пережил первую половину дня, эти долгие невыносимые минуты. Правда, не знал, каково ему будет этим вечером.

После обеда вновь лег. Увы, даже ворон посчитать не мог, ведь их здесь в принципе не летало. Петр догадывался, что им запрещено летать над людопарком, не заплатив. Дескать, нелегальное нахождение, учитывая, что сверху открывался идеальный обзор на все. Думал также и об ужасе своего положения. Просто не мог игнорировать этот факт. Если ему так тяжело, вполне обоснованно и логично задавался вопросом, каково детям? Вероятно, они большинство своего времени проводят за общением и игрой. С соседями и, само собой, животными. Кто знает, вдруг детям тут даже легче, чем взрослым? Нет. Точно нет, — подумал Петр. — Они же, по сути дела, потеряли родителей навсегда. Будь мне лет девять, я бы не переставал рыдать. Он улыбнулся, но эту тему больше предпочел не затрагивать.

Петр лежал, разговаривал с соседями, затем ходил взад-вперед и снова лежал. Судя по тому, что один шаг примерно равняется метру, он посчитал, что клетка в длину составляет четыре, а в ширину — четыре с мелочью. Не исключал и того факта, что мог искажать действительность, передвигаясь чуть под углом или делая шаги разной длины. Высоту же изменить никак нельзя. На всякий случай не стал ничего с этим делать, ведь животные могли неправильно это истолковать. Хотя люди по своей природе более склонны к ночному отдыху, думал, что именно в это время меньше всего глаз.

Также Петр обращал внимание на животных. Заметил, что самыми частыми посетителями являлись совсем не кошки или собаки, а крысы. Они приходили не как обычно, маленькими группами-семьями по несколько животных, а практически огромными стаями. Петр не без сожаления и некоторой степени отвращения подозревал, что прутья расположены недостаточно близко друг к другу и крысы вполне могли пролезть внутрь. В самом деле, они просовывали морды сквозь прутья, и их длинные усы оказывались внутри. К счастью, заканчивалось это ровно с первым окриком гориллы-охранника. В остальном не происходило ничего интересного, животные одни и те же со временем наскучили, и к ужину Петр совсем обессилил. Даже от скуки можно устать. За всю его жизнь ему не было так плохо, клетка порядком давила на его и без того пошатнувшиеся нервы. Хотелось убе-

жать — некуда. Думал, чувствуют ли себя так же заключенные в русских тюрьмах? Ведь там тоже подобные камеры, с койками и запертыми ставнями. Вероятно, чувствуют.

Ужин не сильно воодушевил Петра. Гораздо важнее было то, что солнце уже начало заходить, а небо чернеть.

— Скоро людопарк закроется, — пояснил Леня. — Сейчас, считай, последний наплыв посетителей. Лично я ложусь спать примерно через час после ужина. В это время как раз полностью темнеет. Я тебе тоже советую так ложиться. Гораздо лучше уснуть с закатом и проснуться с рассветом, чем потом мучиться от слепящего солнца.

Петр кивнул. Был согласен с Леней в этом деле.

Этот час, в отличие от всего дня, не показался Петру таким уж долгим. Он пережил много чего, и каких-то шестидесят минут были не проблемой. В первую очередь, безусловно, опирался на свои чувства, но, что очевидно, в людопарке были свои порядки и свои договоренности между заключенными. Если все ложатся в одно и то же время, то он не хотел отрываться от коллектива.

Когда людопарк погрузился в тишину и относительное спокойствие, если не считать разговоров людей где-то вда-

леке, Петр вновь завел разговор с Лене́й. Учитывая, что тот прожил здесь много лет, немудрено: с ним у Петра было куда больше общих тем. Сейчас ему было интересно узнать о том, кто жил в клетке до него. Умер ли прошлый житель или сбежал? А там уж куда заведет общение.

— Расскажи мне об этой клетке. Что стало с тем, кто до меня тут жил?

— Он стал слишком стар. Честно, смотреть было противно, хоть это и неправильно по отношению к нему. В один момент он не проснулся. Думаю, животные его усыпили. Они любят добавлять что-то в еду слишком, так сказать, «энергичным» людям. Ну или тем, кто уже не справляется со своей задачей. Посетители его чуть ли не стороной обходили. Все рано или поздно должны умереть здесь.

— Сколько ему было лет? — спросил Петр.

— Ой, ну, наверное, шестьдесят, может, семьдесят, он об этом не говорил, а по внешнему виду я определить не мог. Мы практически не общались, он был замкнутым, целыми днями сидел или лежал на матрасе.

— Он пытался сбежать? Может, планировал?

Петр искренне надеялся на правдивость своих слов, ведь если этот старик что-то предпринимал, то должны были остаться зацепки. Те же трещины в бетоне или глубоко прорытая выгребная яма. Безусловно, это противно, но всяко лучше, чем закончить жизнь в неволе. Если ответ окажется утвердительным, Петр сделает все, чтобы найти хоть какой-то след.

— Он был уже немолод, когда меня сюда привезли. Ну, думаю, конечно, пытался. Все, так или иначе, хотят сбежать. Вряд ли ты найдешь что-то в клетке. Но постарайся, я за тебя. Все люди тут заодно, я тебе так скажу.

Петра его ответ вполне удовлетворил, коллективный разум куда лучше, чем если бы он работал в одиночку.

Чуть позже, когда прилично стемнело, Александр с Леней уже принимали удобную позу, а разговоры постепенно прекращались, Петр рискнул спросить, обращаясь как к кому-то конкретному, так и ко всем, кто его услышит. Спросить то, что уже давно вертелось у него на языке: были ли случаи побега и увенчались ли они успехом? Александра тот же вопрос интересовал не меньше, поэтому он добавил фразу от себя. Отвечали им все, кто слышал и знал.

— Были.

— Да, были, и не раз, — сказал грубый голос примерно через четыре клетки от Петра. — Сбежать хотят все, но удастся это единицам. Не повезло тем, кого ловят за территорией людопарка.

— Да. Был у меня случай на примете. С соседом. Он сбежал, но спустя два дня его вернули в клетку. Раньше он был позитивным и энергичным. С ним можно было поговорить о многом, но вернулся он вялым. Отвечал на вопросы односложно. На животных реагировать перестал. Ему что-то вкололи тогда, похоже, какое-то плохо влияющее на мозг средство. И продолжали питать беднягу веществами все оставшиеся дни.

— Я тоже помню его. Он умер спустя год и сбежать больше не пытался.

— Может быть, были еще случаи, например, среди женщин или детей. Но их клетки располагаются на противоположном конце людопарка, и информация туда не доходит.

— В общем, если соберешься бежать, будь готов к тому, что животные, а особенно собаки, отлично ищут след. Поймать тебя им не составит труда, — поддакнул Ленья.

Петр в самом деле хотел сбежать. Очень сильно хотел. Думал, нужно предпринять хоть одну попытку. Смерть в любом случае его настигнет, а Бог не простит его за бездействие. Сам себя не простит за простое смирение с судьбой, да и Света тоже. Однако пока это лишь мысли, предпринимать серьезные действия рано. Позже он узнает, как именно бежали те люди. Пусть их и поймали, но из клетки им в любом случае нужно было как-то выбраться. А то, как они это проделывали — наверняка существовал всего один способ.

Уснул Петр спустя часа два, переполняемый самыми разными мыслями и догадками. Поначалу он еще пытался, ворочался с боку на бок, силясь избавиться от мыслей, затем отбросил все попытки. Перевернулся на спину, закинул руки под голову и так и остался лежать, глядя на звезды. Такого чистого неба, не омраченного дымом с фабрик или облаками, он не видел долгое время. Идеальный оттенок синего, тонкий месяц и белые точки-звезды. Сколько ни разглядывал, не нашел привычных ему созвездий Большой и Малой медведицы. На этом полушарии они были другими, такими, в которых Петр уже не разбирался. Ему предстояло еще многое узнать, многое испытать на себе. Даже недели не прошло, а он уже понял, насколько убийственной бывает скука и до чего же отвратительно и плачевно его положение. Пока четких планов на будущее не строил, но как сильно все-таки хотел обрести свободу! На данный момент смело доверил себя

времени, и, в последний раз приподнявшись на локтях, он окинул взглядом темноту людопарка. Фонарей не было, оттого мало что было видно, зато отчетливо слышались полудремные похрапывания соседей. Пожелав себе удачи, а жене спокойной ночи, он добровольно отдал себя в руки сновидений.

Глава 6

Господи, что мне теперь делать? — думала Света, когда дурные сны о похищении Петра в очередной раз заставили ее проснуться в холодном поту. После каждого такого кошмара щупала кровать подле себя в слепой надежде упереться в его тело, но этого не происходило, сколько бы раз она ни пробовала. И тогда ее моральное состояние терпело огромные потери в плане нравственного здоровья и контроля над эмоциями. Вчера она узнала правду о Петре и даже посмотрела новости, однако слез у нее не было, ибо мозг свыкался с приобретенной информацией, постепенно осознавая каждую мелочь. Теперь, когда она полностью переварила случившееся, слезы неотступно и неугомонно лились. Это все я виновата! Как я могла его отпустить!? У меня даже было легкое предчувствие того, что что-то произойдет... но я ведь не думала... Ох, Господи, нет! Как ты позволил этому случиться!? Забрал у меня любимого и единственного!! Из людопарка не сбежать, это все знают!!! Зачем ты так с ним поступил? Сопли заполнили нос. Не в силах найти платок, она взяла первое, что попало под руку, то бишь одеяло. Плевать, отстирается! Эмоции по-настоящему нашли выход лишь сейчас, среди ночи. Мало сказать, что слезы медленно и плавно стекали по лицу, нет, плакала Света навзрыд. Едва ли не истерика настигла ее, которая становилась все невы-

носимее при каждой новой мысли о Петре и протягивании руки в никуда. Тем не менее не могла их остановить, да и не было особой необходимости, все равно в квартире она одна никому бы не помешала спать. Ну за что на меня сыпятся все несчастья? Я ничего плохого никому не делала. Я ведь даже не знаю, жив ли он. Вдруг животные сотворили с ним что-то ужасное? Что, если Петр даже не доехал до проклятого людопарка? Как мне ему помочь? Что я могу сделать? Позвонить в полицию? Ха! Стали бы они мне помогать, пусть и за деньги. Стоит ли еще раз пытаться? Подать заявление президенту? Обратиться к нему лично? Ах! Петр, как с тобой это произошло? Неужели ты правда ничего не заметил по дороге на работу? Свете на ум не приходило, как можно быть таким невнимательным и проглядеть такую «маленькую» деталь, что на улице как минимум отсутствуют люди. Да и я сама во многом виновата. Отпустила его одного, даже не прочитав новостей на сегодня, даже не выглянув в окно! — данная фраза была наиболее губительна для ее состояния, но допустить дальнейшее помутнение рассудка подобным образом, потакая прочим навязчивым, однако особо занимательным мыслям, не могла себе позволить. Все эмоции и чувства — всё выливалось наружу!

Еще на протяжении минут десяти она думала, винила себя и жалела его, покрывала неприличными словами правительство, которое никак не хотело бороться с проблемой, убива-

ющей все человечество. Слезы сами собой слегли на нет, тишину нарушали только повторяющиеся всхлипы. Петр, боже мой... Как он там? Сильно ли ему плохо? Думает ли он обо мне? Надеюсь, он жив и здоров. Господи, пообещай, что он жив и здоров. Это меньшее, что ты можешь для меня сделать, другим меня не утетишь. Почему жизнь так несправедлива? Я ведь любила его.

После столь резкого выплеска эмоций уснуть ей удалось не сразу. Отпила воды из кружки, перевернула подушку на сухую сторону, всхлипывания вскоре прекратились, но те же мысли еще долго посещали ее. На этот раз не фразы проносились в голове, не восклицания о произошедшем или риторические вопросы. Нет. На сей раз то были образы ее мужа и людопарка в целом. Она старалась воспроизвести для себя жизнь там, примерно предположить, как к людям относились животные, и, если Петр планирует сбежать, то каким образом он это сделает. Подумала, что если бы получилось наоборот и угодила в западню она, то нервы бы ее совсем расшатались и думала бы она в первую очередь о собственной безопасности, нежели о потерянном муже. Кое-как удержала вновь подступившие слезы, решила — хватит ей на сегодня. И без того утром проснется с опухшими глазами. Отеки вряд ли пропадут или хотя бы уменьшатся после одного умывания холодной водой, так к чему ей было лишнее беспокойство?

К счастью, кошмары больше не донимали ее, и на этом спасибо. Проснулась Света утром от звонка будильника в самое обычное время, ей плохо помнилось произошедшее ночью, и уж тем более из памяти стерлись ее лихорадочные и беспорядочные мысли. Только лицо напоминало о случившемся, а мешки под глазами были точно вишенкой на торте. Начинался второй день, который она проведет совершенно одна. Света не представляла, сумеет ли привыкнуть к этому и как минимум не сойти с ума. Ничего плохого себе обещать не стала, но и о том, что все хорошо, тоже говорить не следовало. Во время умывания, на этот раз немного позже намеченных минут, не могла перестать думать о Петре. Наверняка на ближайшие несколько дней данная тема станет главной в ее жизни. Интересно, чем их кормят? Как он моется? Наверняка животные мало что смыслят в людской гигиене. Пока Света готовила завтрак, не упустила возможности еще раз набрать номер Петра, все еще надеясь, что свершится чудо и вместо автоответчика она услышит гудки, а затем его голос, оповещающий о том, что с ним все в порядке и скоро он вернется из затянувшейся командировки.

— Ну? — обратилась Света к пустоте, но какой бы сильной ни была вера в лучшее, счастья не произошло. Прозвучала до боли знакомая фраза, которую она успела выучить наизусть, и даже те английские слова, что идут после нее:

«Абонент временно недоступен...» Все бы отдала, лишь бы еще раз услышать его голос. Поначалу опасалась, что поток слез снова не заставит себя ждать, но этого не произошло. Должно быть, все эмоции она прожила той ночью и этого хватит ей надолго. Позвонила по номеру еще раз, пусть и не видела в этом особого смысла, так, чтобы удостовериться... Какой бы очевидной ни была реальность, думала, что никогда не перестанет надеяться на лучшее и, даже предугадывая дальнейший исход событий, не прекратит каждый день хотя бы по разу набирать его номер, который по-прежнему был записан как «Милый».

Считала, что после такой ночи рано обдумывать, как следует жить дальше. Она еще до конца не успокоилась, чтобы вновь начать играть на собственных нервах. Конечно, если она хочет его спасти, с действиями нельзя было сильно затягивать. Неважно, будь то обычный просмотр новостей или звонок в полицию.

Во время завтрака она приступила к выполнению первого пункта своего изначально плана: включила телевизор. Помимо событий, что произошли в городе и в стране в целом, про людопарк малограмотные ведущие обмолвились лишь двумя словами, причем не играющими абсолютно никакой роли. Животным на сегодняшний день не нужны были новые люди, и дороги ни в одном городе не перекрыли. Ну, ко-

нечно, забрали моего Петра и на этом остановились. Вы не животные, вы твари! Что за невезение? Мягко говоря. Выглянула перед выходом в окно, дабы убедиться, что по улицам ходят люди, и еще раз удостовериться в безопасности, и только затем вышла из квартиры.

На работе мало о чем можно говорить. Само собой, она рассказала обо всем своим коллегам, хотя те, вероятнее всего, видели все по телевизору. Совета или помощи не попросила, лишь осведомилась, не видел ли кто Петра в тот день. Случайно, но бывает все. Ответы были только отрицательные, даже ее близкие подруги ничего толкового ей не сказали. Ожидала ли она этого? В каком-то смысле да, ведь произошла пропажа, а на улице в тот момент никого из свидетелей не было. Так к чему ей нужны были лишние вопросы? Из хорошего: работа помогла ей отвлечься и ненадолго забыть о произошедшем, уйти целиком в дела, не думая в плохом смысле об участии Петра. К сожалению, на ее работе не было людей, у которых также пропадали родственники, так что ничего полезного получить она не могла, кроме временного успокоения. На ее поведении в обществе вчерашнее обстоятельство, без сомнения, сказалось. Она стала менее общительной, по большей части слушала. Подруги посоветовали ей еще раз попытать счастья в полиции или на худой конец поспрашивать бывших работников Петра, вдруг как минимум ей удастся узнать подробности того ужасного происше-

ствия? А уж это ей точно даст кое-какую полезную информацию, которую позже можно будет использовать. Эти советы ничего нового ей не дали, ибо она так и собиралась сделать, как только разделается со своими отчетами. Все ближайшее время будет нелегким, и она это понимала. Морально готовилась к предстоящим трудностям, пусть до конца смириться с этим была не в состоянии.

Ближе к шести часам, закончив свои дела и заручившись помощью в случае чего, отправилась вперед по знакомой дороге, той, на которой некогда поймали Петра. Мужество придавало ей желание знать как можно больше подробностей. Рано или поздно, но новообретенными знаниями она воспользуется. Искренне верила, что работники, особенно близко общающиеся с Петром, смогут ей что-то подсказать. Как минимум оказать психологическую поддержку, что тоже дорогого стоило. Была уверена, знание, где именно прятались животные и как была установлена ловушка, сослужило бы ей неплохую службу. Быть может, друзьям Петра удалось что-то увидеть? Хотя подозревала, что, если бы они в самом деле что-то знали, непременно бы сообщили ей по телефону. В любом случае живое общение не помешает, да и не у всех имеется ее номер.

Поскольку ее много кто знал, труда не составило опросить всех, узнать все, что только было в ее силах.

— Нет, в тот день я уже находился в офисе, когда это произошло. Лично я ничего не заметил, мне очень жаль. Могу только сказать, что на улице было тихо и, насколько я помню, безлюдно. Однако Петр у нас парень крепкий, ты не отчаивайся. Может, ему удастся сбежать? Лично я в этом не сомневаюсь и желаю тебе и ему удачи. Еще раз извини, что ничем таким помочь не могу, однако если что понадобится, звони, я всегда на связи, — прозвучал первый ответ на ее вопрос о Петре. Все остальные были примерно одинаковыми. Например:

— Так... я в тот день пришел позже, когда уже на улицах стали появляться люди. До этого ничего не знал и не видел, находился дома. В этом плане я тебе не советчик. Попробуй обратиться в полицию или, если на то пошло, в вышестоящие органы.

Какими бы трогательными иногда ни были слова, Света достаточно натерпелась ночью, чтобы сейчас дать волю своей сентиментальности. Люди, в особенности старые знакомые и друзья, в самом деле оказывали ей помощь. Помощь в моральном плане. Потому что из всех, с кем ей довелось поговорить, долей информацией обдал лишь один:

— Ты знаешь, мне очень повезло, что в тот день я раньше

пришел на работу. Ума не приложу, как сигнализация могла не сработать! Скажу сразу, твоего мужа я не видел. Мельком увидел животное, кажется, медведя. Не успел толком его разглядеть, ведь он тут же скрылся в кустах.

— А ты...

— Разумеется, я сообщил об этом кому следует, — будто прочитав ее мысли, ответил он. — В любом случае то окно не выходит на главную дорогу, но все же. Надеюсь, я чем-то тебе помог. Держись.

Все последующие разговоры были не столь важными и прошли с относительным спокойствием — если не считать той глобальной проблемы, — и с кое-какой информацией Света направилась домой. Всегда приходила раньше Петра, поэтому и в этот раз сумрак и тишина в квартире ее не слишком удивили. Думала, по привычке начнет накладывать ужин на двоих, но нет, ясность рассудка и память пока находились при ней. Чтобы не было так одиноко, она включила телевизор на канале с каким-то фильмом. Чуть позже, когда начнут передавать новости, она, конечно, переключит, но не сейчас. Разум ее все время приема пищи пребывал сам по себе. Действия происходили автоматически, все потому, что она размышляла о возможном побеге Петра и других обстоятельствах, при которых может рассчитывать на хороший ис-

ход событий. А именно вспоминала вчерашний ответ полицейского о том, что делами с животными они не занимаются, но так возмущение ее только росло. Она не была слишком молодой, чтобы не иметь абсолютно никаких знаний, но и слишком опытной тоже, чтобы с ходу что-то предпринять. Пыталась вспомнить, были ли раньше случаи, что люди возвращались из людопарка, сбегали. В частности, как их оттуда вызволяли и было ли замешано в том государство или это дело рук кого-то другого? Наверняка без взаимопомощи не обошлось. Людопарк находился крайне далеко, и сбежать самому, то бишь передвигаться по лесам, равнинам и другим местам обитания животных плюс пересечь океан, не оставшись при этом незамеченным, было невозможной задачей. Наверняка Петр сам не раз размышлял об этом.

Как он там один? — подумала Света, вспоминая недавние новости про людопарк. Эти клетки, расставленные в ряд, своеобразные звериные улицы, чего уж о нескончаемых лесах и непроходимых зарослях! Руки ее дрожали от волнения каждый раз, когда воображение само рисовало ей предельно четкую, пусть и отдаленно напоминающую настоящую картину людопарка. Бессмысленно было говорить о несправедливости этого мира, и так всем это было ясно не только на чужом примере. Один, без ничего. Даже телефон забрали. Как я могу ему помочь? Как мне с ним вообще связаться? Света достаточно хорошо знала упертый характер Петра и не

сомневалась, что он боролся до последнего. Она имела смутное представление, как именно его поймали, но что он пытался кричать и пробовал бежать в самом начале, не сомневалась. Однако сама она знала немного. Навыка в данной сфере не имела, но фантазия и логика работали у нее хорошо. Монологов с собой она не вела, отнюдь, считала это бездумной тратой времени, образы всплывали перед мысленным взором куда быстрее, чем можно было подумать в самом начале. Она наивно полагала, что, если преодолел расстояние от людопарка и через океан, считай, победил. Увы, такое практически невозможно, даже если не учитывать маловажные факторы. Даже с посторонней помощью риски никуда не девались. Уменьшались — само собой, но не пропадали.

Света была не в силах вспомнить историю людопарка и какие существовали самые крупные, предавшиеся небывалой огласке случаи побега. Как скоро возвращались люди? И в каком виде их находили? Это отнюдь не бесполезные факторы, ведь, изучив тщательно то, что уже ей доступно, просто набрав в поиске нужное, она на несколько процентов приблизится к решению задачи. Пока до конца не верила в возможность своих действий, уверена была только в одном: Петра она никогда не забудет и вряд ли еще сумеет полюбить человека так же сильно, как его. Попросту не простит себя, коль не попытается сделать хоть что-то. По крайней мере, примерный план действий был ей понятен. Многое нужно

было узнать, многое уточнить и сделать. Света была эмоциональным человеком, и жалость к Петру заставляла ее идти на риск. Но пока ничего, кроме несвязанных с друг другом предположений, не имела. После ужина, когда никаких других важных дел не осталось, она начала свои поиски в интернете. Целью было найти как можно больше информации про людопарк. И не той, которая при первой же возможности передается огласке, а неприличной и неправильной, той, которая не всплывает на первой же вкладке ленты новостей. Быть может, если повезет, удастся отыскать точный список людей по именам, в данный момент находящихся взаперти. Но не это в полной мере интересовало Свету, а случаи побега. Желательно удачные. Хотя неудачных случаев просто не может быть. Люди бы тогда сгинули где-то по дороге, и прес-са бы о них так ничего и не узнала, — подумалось ей. К ее счастью, случай побега нашелся. Одна удивительная статья, которую она нашла по счастливому стечению обстоятельств, имела пятидесятилетнюю давность. Фотографии также имелись, Света посмотрела все, чтобы удостовериться в их подлинности. Сбежать удалось группе мужчин абсолютно разных возрастов. Пять человек, начиная с самого молодого — парня лет восемнадцати, заканчивая человеком среднего возраста, примерно лет пятидесяти. Должна отметить, что, судя по фото, все они имели неплохую физическую форму. Да, худые, но это и неудивительно, учитывая, сколько всего они пережили. Мышцы их сохранились, пусть наверняка не

были такими, как раньше. Там был изображен момент, когда их, должно быть, только обнаружили. Одежда, которую им добродушно отдали, была самой базовой и старой, но это были сущие мелочи по сравнению с тем, что шло дальше. А именно интервью каждого о произошедшем. Кратко, все самое основное, то, что и было нужно Свете.

Читала она медленно, но вдумчиво, силясь не упустить ни одной мелочи. Неважно, в какой бы сложной она ни находилась ситуации, такое дело не требует отлагательств и тем более невнимательности. Любая деталь должна учитываться. Чем ниже спускались ее глаза, тем больше сжималось сердце. Начать хотя бы с первого интервью, с первой версии:

«Тяжело было. Поначалу думал — не получится. По пути, когда силы совсем иссякли, был уверен — погибну. Сбеги я один, скорее всего, так и произошло бы. Вы знаете, не всем так повезло, как нам. Ночью животные делали обход, проверяя, все ли на месте, по несколько раз. Днем же снова ли бесчисленные посетители. Не хочу описывать, каким моральным мучениями и унижениям мы подвергались. Скорее всего, это сделают другие, я остановлюсь подробнее лишь на самом побеге.

Небыстрое это было занятие. Прежде чем план был окончательно готов, прошло много времени. Поскольку клетки

были расставлены в ряд, я сдружился со своими соседями и, как бы грубо ни звучало, с соседями соседей. Само собой, все мы скучали по старой жизни и не собирались дальше терпеть такое положение дел. Поскольку звери не понимали нас, это была отличная возможность разговаривать, не опасаясь. Мы не хотели допустить ни одной погрешности, ведь любая неточность могла стоить нам жизни. Каждый знал что-то лучше другого. Одному, как выяснилось, во время перевоза на самолете крупно повезло, ведь его клетка стояла близко к иллюминатору. После земли людей шел океан и дальше материк животных. Людям сложно представить все ужасы дикой природы, но выбирать не приходилось.

Как я уже сказал, произошло дело летней ночью. Через открытые вольеры сбежать намного легче. Высокий забор — главная помеха. Прутья, к счастью, располагались достаточно далеко друг от друга, и благодаря взаимопомощи, например один подставлял другому руку для опоры, мы успешно преодолели это испытание. Разумеется, в первую очередь позаботились о базовых потребностях. С ужина сберегли несколько фруктов, взяли с собой также одеяла. К слову, одеяла были единственным, что раздавали людям безвозмездно. Пустующие клетки в любом случае обнаружат, но благодаря точному расчету времени к тому моменту мы уже были далеко. Прогнозируя ваш дальнейших вопрос, конечно, животные ближе к океану водятся, но в меньших количе-

ствах, чем по другую сторону людопарка. Мы знали, на что идем, и хоть без особого спокойствия, но принимали риски. Как бы ужасно то ни было, люди в людопарке были полностью без одежды, оттого бежать босыми ногами по траве было крайне трудно. Велика вероятность посадить занозу, споткнуться или того похуже. Однако другого варианта не было. Первые минут пятнадцать, пока окончательно не выдохлись, мы бежали с приличной, насколько могли, скоростью. Далее, когда убедились, что людопарк достаточно далеко и его не видно из-за деревьев, стали сбавлять темп. Небо в тех краях чистое, не помраченное дымом от заводов, вот мы и двигались, ориентируясь по звездам. Старались не сбавлять средний темп и не отклоняться от курса. По нашим подсчетам, самый быстрый путь — идти ровно по прямой, вот и двигались как могли. Постоянно казалось, что животные подстерегают на каждом шагу. Не имея с собой фонарей, вздрагивали от каждого шороха. Те же пантеры, какие на тот момент являлись зрителями людопарка, могли таиться в кустах, следя за нами. Страшно? Да, очень.

Вы знаете, животные нам практически не встречались. На самом деле они не все задаются одной целью, некоторые, как это ни странно, проникались сочувствием. Это, безусловно, шло в нашу пользу.

Шли мы долго, еле передвигали ноги, несмотря на свою

реши́мость. Оде́жа, выполня́ющие роль оде́жды, то́лько усугубля́ли ситуа́цию, и́бо мы облива́лись пото́м. На то́т мо́мент проше́ло часа́ четы́ре все́го побе́га, ко́гда по пу́ти сре́ди э́тих беско́нечных ку́стов и вы́соких дере́вьев с гу́стой ли́ствой мы на́шли о́тлично́е ме́сто для пере́дышки. Поско́льку си́лы на́ши бы́ли на исхо́де, а гла́за слипа́лись са́ми собо́й, да́нное ме́сто, не обросше́е заросля́ми, по́казалось да́ром небе́с. По на́шим подсче́там, ото́рвали́сь мы до́статочно, что́бы позво́лить се́бе пере́дышку. Са́мо собо́й, мы зна́ли рассто́яние, ко́торое на́м ну́жно про́йти, поэ́тому о́тдых не до́лжен бы́л за́нять у на́с мно́го вре́мени. Мы расче́тывали пере́дохну́ть мину́т де́сять, та́к ка́к ка́ждый о́тносительно́ хо́рошо вы́спался дне́м. Но по́лучи́лось та́к, что мы все́, не успе́в зе́внуть, прова́лились в гу́бокий со́н.

Откры́ли гла́за мы по́чти на рас́вете. Бы́стро пере́кусив фу́руктами, разде́ленными ров́но на пять ча́стей, мы отпра́вились да́льше. По́года на́м благоприя́тствовала, и живо́тных, к сча́стью, ви́дно не бы́ло. Подо́зреваю, к то́му мо́менту на́шу про́пажу е́ще не обнару́жили, та́к ка́к бы́ло чере́счур ра́но да́же для зве́рей. Со́н при́дал на́м си́л, отто́го рассто́яние мы пре́одоле́вали впло́не се́бе ле́гко. Впе́реди ше́л че́ловек, ко́торый на́иболее́ хо́рошо ори́ентировался на ме́стности. Бо́льше все́го мы бо́ялись не то́го, что на́с на́йдут, а, на уди́вление, подце́пить в пу́ти ка́кую-то зара́зу. Нева́жно, бу́дь то уку́с му́хи це́це или за́ноза. И́бо то́гда на́с жда́ла в са́мом де́ле му́чи-

тельная смерть.

Словами не передать, что мы там пережили. Шли каждый день, приспосабливались к здешним условиям. Да вы сами видели ту отвратительную фотографию, сделанную, как только нас обнаружили. Ох, Боже мой! Идти по лесу, не имея при себе даже одежды, — самое трудное, что только можно придумать. Благо еды в нем было полно. Я достаточно хорошо разбирался в грибах, чтобы не умереть с голоду. Иногда попадались даже знакомые и абсолютно безвредные ягоды. Только благодаря таким иногда попадающимся зарослям мы и выживали. Насчет воды беспокойство было, признаться, не лишним. Изредка на нашем пути встречались лужи, которые еще не успели высохнуть после прошлых дождей. Вода грязная, в ней полно микробов, но выбирать не приходилось. От такой воды у нас давали о себе знать животы, и путь значительно замедлялся. В пути мы ни в коем случае ни строили никаких шалашей для ночлега, это было долго, к тому же климат позволял без опасений расположиться в тени деревьев.

Порой видели, как в небе пролетали птицы. Но те летели по своей траектории, занятые своими делами, как бы глупо это ни звучало. В этом плане нам повезло. Тяжелее всего приходилось ночью, из-за окружающей темноты воображение начинало брать вверх над здравым смыслом. Могу ска-

зять только одно — Бог нам помог. На берегу океана нас уже ждали люди, и то были в самом деле счастливые минуты нашей жизни, когда мы оказались практически в полной безопасности. Полмесяца скитаний по лесу и нечасто попадающимся равнинам — это ужас. Никому не посоветую такого опыта.

Жизнь моя после людопарка поменялась, это точно. Благо у меня осталась семья, которая помогла мне вспомнить былое, заново войти в общество. Не знаю, как сейчас обстоят дела в парке и что теперь делают те люди, которые там остались. Да и знать, если честно, не хочу. Я достаточно натерпелся, чтобы также волноваться о других. То уже не моя забота, я свое пережил. Искренне рад, что у нас получилось. Наверно, после всего этого мне часто будут сниться кошмары, но это мелочи. Главное — теперь все хорошо. Надеюсь, правительство прислушается к нашим рассказам и предпримет меры, касающиеся людопарка. То, что там делают с людьми, не вписывается ни в какие нормы морали и законы. Я уверен, если не остановить дело сразу, животные потом станут огромной проблемой».

Таковыми были слова первого мужчины. Света еще некоторое время неотрывно смотрела на эти черные буквы на белом фоне и все представляла себе описываемые автором леса, беспощадное бытие в людопарке и все прочее, им расска-

занное. Не упустила также и фотографию самого мужчины, рассказывающего это. Его глаза, Боже! В них по-прежнему отражался страх тех дней, ужас и безумие, которые ему пришлось испытать на себе, подвергаясь невероятным мучениям на том жестоком континенте, где ни о каких людских порядках не могло быть речи. Но в этих глазах было и мимо-летное, едва заметное счастье, что все рассказанные им события остались далеко позади. Подумать только, Петр сейчас находился в той же весьма плачевной ситуации! В начале интервью было сказано, что бежали они ночью, так как в это время животные меньше всего следили за людьми. Сейчас, спустя столько лет, охрана людей животными вполне могла усиливаться, клетки могли сделать с крышами или сократить расстояние между прутьями. И в таком случае шансов у Петра нет. По своей натуре Света всегда верила в лучшее, даже в, казалось бы, безнадежной ситуации. В этом они с Петром были как никогда похожи.

После она перевела взгляд ниже и прочитала каждую историю сбежавших. Все они были на один манер — в них повествовалось о тягестях побега, о сумасшествии и нелепости людопарка и выражалось сочувствие тем, кто там остался. Последний рассказчик сделал акцент не на побеге, как прочие, а на самом людопарке. И это было естественно, ведь он, в отличие от своих напарников, как говорилось, более двадцати лет прожил в заточении в клетке. По его словам,

поймали его еще подростком, а сбежал он, будучи взрослым, крепким мужчиной. Исходя из прочитанного, немало чего интересного и страшного происходило в людопарке, на ум приходили все самые дурные мысли от осознания, что все сказанное ими тогда, несколько десятилетий назад, переживает и ее любимый муж.

Несколько минут Света не могла прийти в себя. Не представляла, как выглядела тогда со стороны, ибо образы, отрывками летающие перед мысленным взором, загромождали собой любую связь с реальностью. Интерес вызывало все! Начиная с побега — благодаря чему она, собственно, и наткнулась на эту статью, — заканчивая «прелестям» жизни в людопарке. Правда, это и жизнью назвать было сложно. Неудивительно, что столь откровенное интервью не всплывало при поиске в первую же очередь, чтобы наткнуться на него, требовался долгий поиск. Считала, что более подробной информации о людопарке ей не найти, но энтузиазм от этого никуда не делся. Принцип примерно был понятен, однако нужная мысль о том, чем она может помочь Петру, так ей в голову и не пришла. Провела она в интернете в общей сложности часа два. Порой делала короткие перерывы для того, чтобы отпить воды или сходить в туалет, в остальном же была целиком поглощена проблемой. Глаза ее не горели, как может показаться вначале, ибо дело это было муторное и энергозатратное, но, к сожалению, новой информации о

побегах отыскать ей не удалось, очевидно, то был первый и последний раз.

Читала она не только интервью сбежавших, но и просто вырезки из новостей прошлых лет. Можно сказать, проводила анализ того, сколько было пропавших, в какой сезон это происходило и как часто животные отбирали для своего парка новых людей. Не отказывалась и от подобной информации: все было полезно. Полный список пропавших за последние несколько лет и беглый его осмотр не дали Свете ничего определенного. Имени Петра там не нашла, но оно и понятно — обновлять записи недавними людьми никто, грубо говоря, не хотел. Из значимого, на первый взгляд казавшегося выходом на светлую сторону было то, что Света нашла совершенно случайно, — форум с обсуждением людопарка. Как бы сильно ни надеялась она на то, что произойдет невозможное, реальность оказалась куда скучнее и не несла в себе никакой ценности. Переговоры людей и их смутные догадки вряд ли помогут Петру сбежать или ей лично вызволить его. В любом случае, пока протекал свободный вечер и никто не донимал ее звонками и расспросами, она была полна решимости узнать и сделать все, что только было в ее силах.

Глава 7

Несладкой оказалась вторая ночь для Петра в людопарке. Первая под действием снотворного пролетела незаметно, без сновидений. Он не помнил, как его несли, не помнил жесткости матраса и холода, теперь же, когда мозг его не был ничем одурманен, чувствовал себя, мягко говоря, нехорошо. Дело было даже не в снах — сны сами по себе примечательными не были, однако все произошедшее дальше не давало ему покоя. Попросту неудобно было лежать на голом матрасе, без подушки, без одеяла и прочих принадлежностей. Как минимум не чувствовал на себе согревающей одежды, оттого неуют ощущался предельно четко. Нечем было прикрыться, избавиться от ветра. Хоть отрывай от матраса кусок ткани и укрывайся им. Только благоразумие остановило Петра от этой затеи, хотя, признаться, размышлял он об этом не раз. Проснувшись посреди ночи, когда темное небо заволокли облака, спросонья подумал о том, чтобы лечь на бетонный пол и укрыться тем немногим, что имел. Отчасти из-за холода, отчасти из-за бесконечно донимавшего его неудобства. Чуть было не разбудил своего соседа вопросом, не дадут ли им одеяла. Вместо этого перевернулся на бок, используя вместо подушки свою согнутую руку. Не спасло это от озноба, неожиданно сковавшего тело, зато стало чуть удобнее. Второй раз уснул он без особых проблем. Периодически

приходила ясность сознания, и примерно к трем ночи сквозь дрему слышал, как встал Александр, должно быть, в туалет. Характерные звуки не дали Петру спать дальше, разбудили его окончательно. Тот вновь принял положение на спине, но глаза открывать не спешил. Какой бы чудной ни была правда его нынешней жизни, какими бы дикими и близкими ни были звуки, боялся открыть глаза и увидеть над собой открытое небо. Ощущение легкого ветра вполне могло служить из-за открытого окна в спальне, а одеяло... вдруг его перетянула к себе Света? То, что он голый, — ничего, бывает, конечно... Кого Петр обманывал!? Ни к чему бегать от вечной муки, да! Вот то же предательское грязное небо, четыре стороны клетки, гробовая пугающая тишина. Вечно ходящих и громкоговорящих соседей сверху нет, зато есть больше десяти по бокам. Но все равны, все едины, и все они хотят одного. В самом деле, не припоминал, когда еще на его долю выпадала столь трудная ночь. Разумеется, он ходил в походы, ночевал в палатке, но даже то не сравнится с переживаемым сейчас.

Когда Александр улегся, вновь наступило томительное одиночество и тишина. Что удивительно и в некоторой степени даже хорошо, здесь не было насекомых. Днем Петр не слышал жужжания мух или пчел, не ощущал на себе укусов комаров или других ползучих тварей. Не видел и пауков. Предполагал, что это связано с тщательнейшим опылением животными близлежащей территории для должного и более

продолжительного существования людей, но в тот момент даже задумываться над этим гиблым делом не хотел. Вместо этого закрыл глаза и попытался уснуть. Сон как-никак крайне важен для организма, а днем ему не дадут уснуть соседи и палящее солнце. Почти свyksя с отсутствием одеяла и легкого ощущения уязвимости и уже через минут пятнадцать забылся крепким сном. Не настолько качественным и хорошим, чтобы больше ни разу не проснуться за эту ночь, но все же те несколько часов, что ему удалось провести в глубокой фазе, дорогого стоили. Кроме того, за ночь просыпался он раза два. Один — сам не понял из-за чего, второй — затекла рука от нескончаемого нахождения под головой. Учитывая, насколько не утешающими были внешние обстоятельства, на сновидения не обратил никакого внимания. Часто ворочался, менял позу, то правая рука имитировала подушку, то левая. Так продолжалось до самого рассвета, пока солнце не осветило собой горизонт, ибо тогда яркий свет не дал ему нормально сомкнуть глаз. Он продолжал лежать в так называемой постели, но уже без особой цели. Смотрел, как просыпаются его соседи, как медленно потягивается Александр и как зевает Лёня.

— Как ночь? — спросил Лёня, примерно догадываясь, какой будет ответ. У всех он один и тот же.

— Это была худшая ночь в моей жизни. Даже хуже той, в

самолете. Без снотворного очень тяжело заснуть. К тому же я постоянно просыпался. Почему вообще у нас нет одеял? Так и заболеть недолго.

— Сам удивляюсь этому. Но так будет не всегда. Сейчас самый пик жары, потом, когда температура снизится, нам их дадут.

Какими бы ни были странными слова его соседа, Петр был рад, что благополучно пережил эти долгие сутки. Не замечал у себя насморка или боли в горле. Хоть в чем-то ему повезло. Конечно, пошел всего лишь его второй день в людопарке, нестерпимо было думать о том, сколько еще таких же скучных и бесцельных дней осталось ему провести за решеткой. Подобные рассуждения навевали самые страшные догадки и предположения. Жаль, здесь нет кусочка мела или угля, так бы я нацарапывал на полу отметки, как на стенах в тюрьмах, отсчитывал бы дни своего заточения. Потом, когда клетка освободится и после меня придет другой, такой же неопытный, но целенаправленный человек, он обнаружит мой счет. А что он подумает — уже неважно. Выбраться мне это не поможет, но я как минимум не стану теряться в догадках, какое сегодня число, месяц или день недели. Из-за обилия событий, безусловно повлиявших на его эмоциональное состояние, едва ли вспомнил, какой был день вчера. Успел порядком испугаться от осознания потерянности во време-

ни и пространстве. Вот какое воздействие оказали на него жуткие условия людопарка. Если так пойдет и дальше, боялся представить последствия своего незащищенного разума. Сейчас шла середина июля. Дата начала своего пребывания здесь наверняка могла чем-то помочь ему в будущем.

Был не в лучшем настроении для того, чтобы продолжать разговор. Ему вполне хватило того обрывка для того, чтобы почувствовать себя бодро и живо. Сейчас только раннее утро, предположительно, часов восемь, но возможно, и меньше. Петр поднялся с матраса и подошел к зоне кухни. Отпил немного воды из кувшина, затем облизал сухие губы. Эти простые действия оказали организму Петра немалую услугу. Поскольку воды оставалось достаточно, он склонился над кувшином, налил немного на руки и ополоснул лицо. Сделал так несколько раз, параллельно протирая глаза. Вытереться было нечем, поэтому, как мог, обтер лицо сухой частью рук. В любом случае влага легко уйдет под солнцем. Зубы Петр также не мог оставить без внимания, протер их пальцем, ибо ничего другого при себе не имел. Лучше так соблюдать гигиену, чем потом мучиться от кариеса. На этом утренние дела закончились, скука и незнание, чем заняться далее, вскоре снова застали его. Кроме того, как ждать завтрака, делать ему было особо нечего. Мысли и без того теперь стали главным аспектом его жизни. Вместо того чтобы вновь рассуждать об обреченности своей судьбы, предпочел

провести досуг за полезным занятием, таким как разговор. Без разницы с кем. Можно с Александром, можно с Леней или вообще с обоими. Был уверен, до завтрака осталось не так много времени, а быстрый и легкий обмен мнениями поможет ему почувствовать себя спокойно или, если уж на то пошло, узнать о людопарке побольше.

— Ты когда последний раз видел свою семью? — обратился Петр к Лене, который в этот момент как раз закончил утренние процедуры. Понимал, что тема большая — сколько бы тот ни прожил в людопарке, забыть прошлое и любимых людей невозможно. Великой необходимости узнать об этом не было, но тем не менее представления его расширятся, а любое знание, как известно, шло на пользу, да и время коротать как-то было нужно.

— Давно. Много лет назад. Кто ж знал, что так произойдет. Я даже попрощаться с ними не успел, — ответил Леня.

— И ты знаешь, что с ними теперь?

— Нет. Ни разу их не видел, ни разу о них не слышал, сам же понимаешь, что это просто невозможно. Но я искреннее надеюсь, что у них все более чем хорошо. Я до сих пор помню своих детей с их добрыми, наивными глазами. Теперь они наверняка сильно изменились, но что с этого толку? Вряд ли

мне удастся их еще раз увидеть, по крайней мере, точно не здесь.

— Зачем ты так говоришь? — тут же отозвался Петр. — Никогда нельзя терять надежду.

На этом их непродолжительная и короткая беседа на данную тему закончилась. Понятное дело, Петр был неопытным и, что свойственно всем новичкам, думал, что не задержится в клетке надолго. Имел ту веру в лучшее, какой не бывает ни у одного, кто провел в людопарке больше года. За один месяц животные не смогут усыпить бдительность, а вот за двенадцать — запросто! Что уж говорить о десяти и более годах. Петр боялся этого всей душой, точно не хотел бы такой же перемены в своем характере. Чуть погодя поинтересовался у Лени другим. Уже стараясь не затрагивать личную жизнь, больше углубляясь в подробности людопарка. Также для себя хотел услышать, про момент попадания Леня сюда и каким тогда был парк, изменилось ли что?

Разговор продолжался до самого завтрака. К тому моменту к ним присоединился Александр, которому как новенькому было не менее полезно и интересно быть ознакомленным с этим местом. Петр не сомневался, что тот уже узнал немало, поскольку лично слышал его разговоры уже со своим соседом. Оно и понятно, людей сплачивает единое бед-

ствие, чем больше заведешь хороших знакомых, тем проще отбывать срок. Подумав об этом, Петр решил, что никогда не перестанет сравнивать людопарк с тюрьмой. По всем критериям они вполне схожи.

Из разговора Петр мало что узнал нового. Вопросы в основном задавал Александр, на некоторые Леня отвечал легко, другие же заставляли его задуматься, затем медленно покачать головой. Одним из таких неоднозначных был: что животные делают с мертвыми людьми?

— Увы. Хоть когда-то я и лишился соседа, не видел, как его выносили. У меня есть предположение, куда животные могут девать трупы, но не хочу об этом думать, — Леня слабо улыбнулся. Само собой, все на подсознательном уровне понимали и знали, что случилось с людьми. А еще они знали, что животные по своей природе хищники и человечина для них, скорее всего, деликатес. Петр буквально ощутил, как его поры начинали проступать на голой спине. Это была та правда, которую никто никогда не произносил вслух. Страшная правда, что по возможности избегали и боялись, однако о которой знали или догадывались все. Петр не хотел омрачать себе голову лишними бессмысленными надеждами и верой, особенно в таком деле. Предрассудки в его ситуации не могли ничем помочь, скорее, наоборот, надевали на него своеобразные розовые очки. Куда лучше все при-

нимать сразу, все ужасы и несправедливости жизни. Но это также было не ново, а все остальное Леня уже рассказывал. И про еду, про душ и прогулки раз в неделю, даже про одеяло успел сказать пару предложений ночью. Все остальное Петру предстояло узнать уже на собственном опыте, в теории же он вполне себе разобрался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.